

**ПАМ'ЯТНИКИ
КИРГИЗСТАНА**

1

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*Б. Джамгерчинов (главный редактор), М. М. Адышев,
В. Д. Горячева, Т. Кулматов, А. Н. Михалев, В. Е. Нусов,
К. К. Орозалиев, Н. Д. Черкасов.*

Ответственный за выпуск
В. Д. Горячева

КИРГИЗСКОЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ДОБРОВОЛЬНОЕ
ОБЩЕСТВО ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И
КУЛЬТУРЫ

ПАМЯТНИКИ КИРГИЗСТАНА

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ СБОРНИК

ВЫПУСК

1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КЫРГЫЗСТАН»
ФРУНЗЕ—1970

СО Д Е Р Ж А Н И Е

К. КОНДУЧАЛОВА. Р. АРБУЗОВА.	Введение	5
	Социалистическое государство — организа- тор охраны памятников истории и культу- ры	11
М. ЮНУСАЛИЕВ.	Памятники каменного века на территории Киргизии	18
Д. ВИННИК.	Памятники древних кочевников Иссык- Кульской котловины	24
Д. ВИННИК.	Древние города и поселения Прииссыккулья	34
Ч. ДЖУМАГУЛОВ	Эпиграфические памятники Киргизии . .	40
В. ГОРЯЧЕВА.	Декор в архитектурных памятниках средне- векового Киргизстана	48
М. СУШАНЛО.	Памятник дунганской архитектуры . . .	61
К. АНТИПИНА.	Юрта — ценный памятник культуры Кир- гизского народа	65

ПАМЯТНИКИ КИРГИЗСТАНА

Научно-популярный сборник

В ы п у с к 1

Редактор К. А. Шереметьева
Редактор издательства Л. П. Прокудина
Художник К. Сейталиев
Худож. редактор В. Ф. Васильев
Техн. редактор Т. Ф. Василенко
Корректор И. Кондратьева

Сдано в набор 1/X-1969 г. Подписано к печати 29/V-1970 г. Д—06410. Бумага мелован-
ная 120 гр., формат 70X108¹/₁₆, 4,5 физич. печ. л., 6,3 условн. печ. л., 4,71 учет.-изд. л.
Тираж 1500. Заказ № 3336. Цена 69 к.

Киргизполиграфкомбинат Главполиграфиздата Мин. культуры Кирг. ССР.
г. Фрунзе, ул. Жигулевская, 102.

К. КОНДУЧАЛОВА

«Уважение к древности есть
признак истинного просвещения».
(Ф. Энгельс)

Каждае новое поколение, утверждая себя и культуру своей эпохи, бережно приемлет под свою защиту все лучшее, что было создано творчеством народа, в чем проявились его духовные силы, прогрессивные и революционные традиции. Созданные на протяжении веков нашими предками прекрасные памятники истории и культуры продолжают жить в веках и влиять на формирование мировоззрения последующих поколений. Во всей своей совокупности памятники истории и культуры являются и источниками сведений о прошлом страны, и средством распространения знаний, повышения общеобразовательного уровня трудящихся, и основой эстетического воспитания, и важнейшим фактором формирования высокого, жизнеутверждающего чувства советского патриотизма и интернационализма.

Все, что хранит память народная о деянии человека, — будь это гигантское сооружение или след от костра первобытного человека — называем мы одним словом — памятник, памятник материальной культуры. Памятники археологические, историко-революционные, произведения изобразительного, декоративного и монументального искусства, памятники литературы и музыки — таким богатым разнообразием наполнено понятие культурного наследия нашего народа. Многие из памятников возникали и возникают под впечатлением старины, как и многие явления культуры и искусства современности. Поэтому понять Киргизию наших дней, ее сегодняшнюю культуру невозможно, не изучив прошлое киргизского народа, его воплощенную в памятники историю.

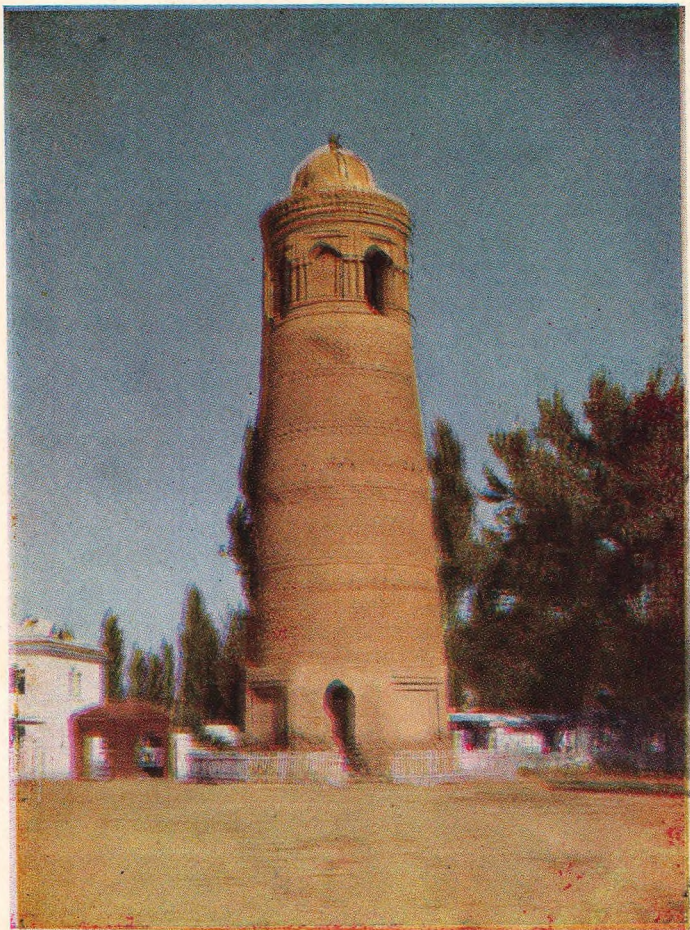
Киргизскому народу есть чем гордиться. Его многовековая история полна великим множеством примеров героической борьбы за свою независимость, за социалистическое преобразование, за свободу и честь нашей Родины — Союза Советских Социалистических Республик. И можно без преувеличения сказать, что все наиболее значительные события в жизни народа нашли отражение в памятниках истории и

Общий вид Узгенского архитектурного комплекса.

«Башня Бурана».

Узгенский минарет.

культуры, которые стали связующим звеном поколений, дающим нам возможность ощутить себя частицей единого целого, именуемого словом «народ», найти свое место не только в пространстве, но и во времени.

Отношение к памятникам старины и искусства — один из показателей степени культурности страны. И в этом смысле авторитет нашей советской Родины также чрезвычайно велик, ибо с первых дней существования социалистического государства забота о сохранении бесценного культурного наследия всех народов огромной страны Советов стала незыблемой традицией. Была развернута обширная и плодотворная работа, направленная к охране и изучению памятников, музейному строительству, работа, которой В. И. Ленин придавал большое значение, постоянно уделял внимание, интересовался ее результатами. Тогда же Владимир Ильич говорил: «Нам нужно возвести на

площадях монументальные скульптурные группы, которые изображали бы те или другие эпизоды борьбы за освобождение трудящихся от власти капитала, самодержавия, от насилия церкви...» (В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине. М., 1965, стр. 381). Учитывая то глубокое эмоциональное воздействие, которое оказывали на людей памятники как произведения искусства, В. И. Ленин выдвинул план монументальной пропаганды, который сводился к широкому распространению в народе коммунистических идей средствами изобразительного искусства.

В наброске к резолюции «О новой пролетарской культуре» 8 октября 1920 года В. И. Ленин писал, что «не выдумка новой пролетарской культуры, а развитие лучших образцов, традиций, результатов, существующих культур с точки зрения миросозерцания марксизма» должно лечь в основу культуры будущего.

На основе Ленинских декретов советское правительство приняло ряд постановлений, направленных на улучшение охраны памятников истории и культуры. В основу их положены такие принципы, как государственное руководство этим важным делом, юридическое обеспечение охраны памятников, изучение и пропаганда культурного наследия и наличие массовой общественной базы. В ряд этих важных государственных актов вошло и Постановление ЦК КПСС от 5 февраля 1965 года «О создании республиканских Обществ охраны памятников истории и культуры».

Широкая советская общественность стала надежной опорой государства в деле организации охраны и изучения памятников, использования их в социалистическом строительстве. Активность трудящихся особенно возросла в этом направлении в середине 60-х годов, в дни подготовки к XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза. Движение за сохранение памятников истории и культуры приобрело всенародный характер и способствовало созданию массовых добровольных организаций — обществ охраны памятников.

Уже сам факт возникновения этих общественных организаций знаменовал собой дальнейшее развитие и укрепление замечательной ленинской традиции — бережного отношения к памятникам, использования их в коммунистическом воспитании народа с позиций принципов марксизма, классового подхода к наследию прошлых поколений.

Киргизское общество охраны памятников истории и культуры еще очень молодо, оно существует всего 4 года. Но уже первые его начинания были поддержаны трудящимися и молодежью республики. Об этом свидетельствуют и многочисленные письма трудящихся, повествующие о состоянии памятников истории и культуры различных районов и предлагающие конкретные меры по их сохранению и содержанию, и патриотическое движение по установлению скульптурных групп и обелисков в честь героев гражданской и Великой Отечественной войн, и тот факт, что общество стало массовой организацией, включающей 160 тысяч индивидуальных и 850 коллективных членов.

Интерес, проявленный трудящимися и молодежью республики к памятникам старины, революционной и боевой славы, определяется не только любознательностью, стремлением расширить свой культурный и познавательный кругозор. Он — закономерное проявление чувства любви к Родине, ко всему, что является ее неотъемлемой частью:

к природе, людям, языку, культуре, государственному строю. Общение с памятниками истории углубляет наше понятие Родины и в свою очередь способствует формированию патриотических чувств, побуждает к патриотическим делам и поступкам.

Вступая в общество охраны памятников истории и культуры, участвуя в изучении, охране и популяризации их, трудящиеся Киргизстана тем самым участвуют и в идеологическом наступлении на позиции международного империализма, пытающегося прикрывать свою захватническую и колониальную политику давно уже одрахлевшим флагом неспособности отдельных народов и наций к самостоятельному историческому развитию. Памятники старины и искусства народов Средней Азии, в том числе и киргизского народа, ставшие доступными и понятными каждому, сильнее слов разоблачают лживые измышления буржуазных социологов об извечной отсталости культуры среднеазиатских народов и народов Востока, их попытки принизить роль этих народов в развитии общечеловеческой культуры. Таким образом, вопрос об охране и изучении памятников истории и культуры в современных условиях приобретает исключительную политическую остроту.

Республиканское общество охраны памятников материальной культуры киргизского народа не является государственным органом, призванным непосредственно осуществлять меры по реставрации, хранению и изучению памятников отечественной истории. Эти функции Постановлением Совета Министров Киргизской ССР от 15 января 1968 года № 6 «О мерах по улучшению охраны памятников, расположенных на территории Киргизской ССР» возложены на соответствующие органы Министерства культуры республики и местные Советы депутатов трудящихся. Но являясь массовой общественной организацией, объединяющей и направляющей благородную деятельность советских людей в защиту национальных сокровищ, Общество может стать и становится бдительным стражем сохранности старины, произведений искусства, памятников боевой, трудовой и революционной славы.

Общество охраны памятников ведет пропагандистскую и просветительную работу, используя печать, радио и телевидение, читает лекции, проводит беседы. В этой кампании принимают участие учреждения культуры, музеи, экскурсионное бюро, школы и учебные заведения. Чем большее число людей узнает и полюбит плоды многовековой трудовой деятельности прошлых поколений, каковыми являются наши памятники, узнает имена и события, с которыми связаны объекты революционной и боевой славы, тем успешней будет обстоять дело их охраны.

Увеличение численности Общества, активизация работы первичных организаций по охране и сбережению, благоустройству и изучению памятников своего края — вот главная задача нашего Общества.

За время существования Общества его Центральным Советом и местными отделениями наряду с работой по формированию проводилась работа по непосредственному участию в сохранении и пропаганде исторического и культурного наследия. Внимание, уделяемое партией и правительством к сохранению памятников, участие в этой работе общественности способствовали определенным успехам в этом деле. Так, организована реставрационная производственная база, увеличи-

лись бюджетные ассигнования на реставрацию памятников архитектуры; ведется учет всех памятников республики, начата издательская деятельность по пропаганде культурного наследия Киргизского народа.

Этим же целям служит и настоящий сборник Общества «Памятники Киргизстана».

Президиум Центрального Совета Общества и его редакционная коллегия надеются, что первый выпуск сборника привлечет внимание общественности к культурному наследию республики, и выражают надежду на дальнейшее участие самой широкой публики в подготовке последующих изданий Общества.

Р. АРБУЗОВА

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО — ОРГАНИЗАТОР ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Великая Октябрьская социалистическая революция навсегда покончила с рабством трудового народа, развязала творческую инициативу народных масс и открыла им доступ к величайшим достижениям человеческой культуры и искусства. Социалистическое государство, возглавляемое В. И. Лениным, с самого начала своего существования проявляло постоянную заботу об охране памятников старины, искусства, музейных и вообще всех культурных ценностей. Придавая такое большое значение их сохранению для народа, Петропавловский военно-революционный комитет партии назначил еще в дни подготовки Октябрьского восстания Г. С. Ятманова и Е. Д. Мендельбаума комиссарами «по защите музеев и художественных коллекций».

Сразу же после победы Октябрьской революции правительство обратилось ко всему народу с воззванием, в котором трудящиеся призывались беречь памятники старины и произведения искусства, охранять их и относиться к ним с большим уважением как к историческим ценностям и плодам одухотворенного труда.

Забота о памятниках нашла также выражение в декретах, директивах, указаниях, в которых настойчиво разъяснялось, что все это — народное достояние, которое надо беречь и охранять.

По предложению В. И. Ленина в ноябре 1917 г. при Наркомпросе была создана коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины, в которую вошли передовые ученые, художники, скульпторы, полностью разделявшие идеи пролетарской революции. В Москве подобная коллегия, возглавляемая И. Э. Грабарем, возникла несколько позже — в мае 1918 г.

Обе коллегии сыграли большую роль в деле сохранения культурных сокровищ советских республик. Они развернули огромную работу по подготовке правительственных декретов, касающихся национализации, учета, реставрации и охраны памятников истории и культуры. Инициатива издания всех этих декретов принадлежит главе Советского

государства В. И. Ленину. Многие декреты были исправлены и дополнены им.

Одним из первых таких декретов, подписанных В. И. Лениным, был декрет «Об охране памятников старины и искусства, принадлежащих польскому народу» от 3 января 1918 г.

Исключительное значение для сбережения в пределах нашей страны предметов старины и искусства, имеющих художественное и историческое значение, сыграл декрет Совета Народных Комиссаров «О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины» от 19 сентября 1918 г., также подписанный В. И. Лениным. Этим самым был положен конец разнузданному грабежу народных культурных сокровищ, осуществляющемуся с благословения царизма и буржуазного Временного правительства.

Социалистическое государство было заинтересовано не только в сохранении, но и тщательном изучении, научном описании, определении исторической значимости памятников и той роли, которую они могут сыграть в коммунистическом воспитании трудящихся.

После выхода в свет нового декрета СНК «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» (5 октября 1918 г.) были установлены категории памятников, бравшихся на учет, и правила перехода их из одних рук в другие, а также и те инстанции, которые несли ответственность за это важное дело.

Ленинские декреты заложили основы советской системы охраны памятников культуры. Они были документами большой государственной важности, выражающими высокую гуманность пролетарской культуры — законной преемницы всего наиболее прогрессивного из многовекового культурного наследия прошлого.

В основу изучения бесценного историко-художественного наследия законодательные акты советского государства положили строгую научность, опирающуюся на всестороннюю помощь широкой общественности, на освобожденный пролетариат, жадно тянущийся к знаниям, осмысливающий свою многовековую историю.

В тяжелые годы послевоенной разрухи и восстановления народного хозяйства рабоче-крестьянское правительство нашло силы и средства для организации музеев, реставрации множества памятников древнего зодчества и создания новых, прославляющих революционные подвиги кронштадтцев и чапаевцев, конармейцев и бойцов гражданской войны, для полного обследования многих сотен историко-культурных комплексов.

Советское государство взяло под свою защиту памятники старины, архитектуры и искусства всех народов, населяющих нашу страну, в том числе и архитектурные памятники Туркестана, находившиеся в дореволюционные годы в состоянии полного запустения.

Нигде так отчетливо не проявились равнодушие и вандализм царизма по отношению к многовековому культурному наследию, как в этом крае, где имелись многочисленные свидетельства расцвета и исчезновения множества древнейших культур разных племен и народов.

Бурные политические события, развернувшиеся на территории Туркестана в 1917—1920 гг., не позволили претворить здесь Ленинские декреты об охране памятников старины и искусства раньше 1920 г.

Начало работ по выявлению, учету, охране и реставрации памятников старины в Средней Азии связано с деятельностью комиссии ВЦИК и СНК по делам Туркестана (т.т. Куйбышев, Рудзутак, Фрунзе, Элпова), которая приняла в этом важном деле самое горячее участие.

Советское государство стало посылать в Среднюю Азию ученых и квалифицированных специалистов для оказания помощи в организации охраны и изучении памятников. 20 января 1920 г. Исполнительный комитет Советов Туркестанской республики издал декрет, распространивший государственную охрану не только на архивы, но и на памятники старины и искусства, имеющие государственное, художественное и научное значение. Но впоследствии оказалось, что Центральное управление архивными делами, на которое возлагались функции охраны памятников, не могло положительно разрешить эту задачу. Возникла необходимость создания особой организации, объединяющей крупные силы, имеющей свои отделения на местах, денежные средства, способной на строгой научной основе создать широкую сеть музеев, осуществить разнообразные исторические и археологические экспедиции и охрану памятников старины и искусства. Именно такой организацией стал Туркестанский комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис), созданный в мае 1921 г.

Впервые в многовековой истории среднеазиатских народов государство проявило заботу о сохранении того бесценного наследия, которое оставили потомкам предыдущие поколения замечательных строителей и архитекторов, искусных народных умельцев, ученых и художников. Дело рук трудового народа стало достоянием самого народа.

Туркомстарис, состоявший из четырех секций (музейной, по реставрации и охране памятников, археологической и охраны природы), осуществлял свою работу на огромной территории, населенной представителями разных национальностей. Его работники стремились сделать все возможное для сбережения народных сокровищ каждой национальности. Правительство Туркестанской АССР придавало деятельности этого комитета большое значение и считало его работы по сохранению древностей «внеочередными и сверхударными».

Уже в 1923 г. Совет Народных Комиссаров Туркестана наметил большую группу памятников мусульманского зодчества, которые подлежали государственной охране. Сюда вошли наиболее известные памятники, расположенные на территории Киргизстана: Узгенские мавзолеи и минарет, башня Бурана и мазар Манаса, городища Ак-Бешим и Ак-Тепе, караван-сарай Таш-Рабат и каменная колонна из с. Дмитриевское (ныне г. Талас).

В связи с национально-государственным размежеванием народов Средней Азии в 1924 г. возник вопрос о дальнейшем существовании Туркомстариса. Было принято решение оставить его в качестве органа общесреднеазиатского значения, переименовав в Средазкомстарис. Средазкомстарис числился при Экономсовете Средней Азии и подчинялся отделу научных учреждений при СНК СССР. Средазкомстарис в своей работе по изучению памятников старины опирался на местное население, разъясняя ему значение этих памятников. В отдельных районах создавались комиссии по охране памятников. Такая комиссия, например, была организована в Узгене во время работы экспедиции Б. П. Денике, Ш. Рахими, Б. Н. Засыпкина (1924 г.).

С 1924 г. в проведении научно-исследовательских работ на местах активное участие принимают ученые Музея восточных культур и Академии истории материальной культуры (ГАИМК) под непосредственным руководством Средазкомстариса.

Исследование исторических, археологических и архитектурных памятников Киргизии начинается в основном в 1923—1924 гг. Экспедиции археологов П. П. Иванова (1923 г.), Б. П. Денике, Ш. Рахими, архитектора Б. Н. Засыпкина (1924 г.) и В. Д. Городецкого обследовали гумбез Манаса, развалины городища Ак-Тепе и каменную колонну, открытую в 1917 г. в районе с. Дмитриевское Аулие-Атинского уезда, курган в с. Ново-Покровском, городище в с. Старо-Покровском, осмотрели башню Бурана, обследовали памятники в окрестностях Узгена. Был произведен обмер узгенских мавзолеев и сделано более 50 фотоснимков.

В 1925 г. на территории Киргизии работали 4 археологических и этнографических экспедиции. Они исследовали долину р. Чу и осмотрели прибрежную полосу Иссык-Куля, где находились остатки древних городищ. Городище Беш-Агач, мазар Манаса и другие архитектурные памятники древнего Киргизстана обследовались в это время М. Е. Массоном. В 1927 г. он занимается изучением архитектурного комплекса в Узгене, выяснением средневековой топографии этой столицы караханидов. Ему удалось прочитать дату на портале Северного Узгенского мавзолея. Деятельное участие принял М. Е. Массон в работах по реставрации башни Бурана, состояние которой еще во второй половине XIX в. внушало опасение. Башня Бурана была отремонтирована.

В 1928 г. Средазкомстарису впервые удалось организовать археологическое изучение погребальных курганов на территории Киргизской ССР (экспедиция М. П. Грязнова и М. В. Воеводского).

Средазкомстарис на протяжении 8 лет, несмотря на небольшой штат сотрудников и ограниченность в денежных средствах, проделал огромную работу по организации изучения и охраны памятников истории и культуры в республиках Советского Востока.

В 30-е годы в Киргизии проводятся широкие археологические исследования, целью которых было выявление памятников материальной культуры предков киргизского народа. Огромная заслуга в археологическом изучении республики принадлежит А. Н. Бернштаму, удостоенному звания заслуженного деятеля науки Киргизской ССР за свой почти 20-летний труд в области истории и археологии Киргизии.

Археологические исследования в предвоенные годы, в частности работа Семиреченской экспедиции, позволили составить первую археологическую карту Северной Киргизии, выявить и взять на учет колоссальное количество памятников, характеризующих четырехтысячелетний период жизни людей на территории Киргизстана.

Особое место в ряду изысканий занимает археологический надзор на строительстве Большого Чуйского канала; помимо отбора наиболее ценного вещевого материала здесь в процессе строительства была проделана большая разъяснительная работа среди трудящихся. Чтобы создать актив из числа колхозников, проводивших трассу канала, археологи раздавали «Обращение» и «Инструкцию по учету и охране археологических памятников на строительстве БЧК Киргизской ССР», читали лекции, проводили беседы о памятниках и их значении для исторической науки. Результаты не замедлили сказаться. Тридцати-

тысячная армия колхозников отнеслась с сознанием полной ответственности к сбору и сохранению древностей. Многие уникальные памятники старины не были потеряны для науки именно благодаря заботливому отношению к ним строителей. А. Н. Бернштам, возглавлявший археологический надзор, отмечал лучших активистов-энтузиастов.

Археологические памятники, выявленные в процессе строительства Большого Чуйского канала (более 3 тыс.), были научно обработаны и в сочетании с уже имеющимися в фондах Краеведческого музея в г. Фрунзе экспонатами составили историко-археологический отдел, впервые открытый для посетителей в канун 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Этот отдел, впоследствии неоднократно пополнявшийся, по-прежнему привлекает внимание многих тысяч посетителей музея.

После окончания работ на строительстве БЧК А. Н. Бернштам совершает рекогносцировочную поездку на юг Киргизии для ознакомления с памятниками старины, сбора данных для составления плана археологических работ и проверки решения СНК Киргизской ССР по охране памятников старины и искусства (от 11 мая 1940 г.).

Великая Отечественная война потребовала титанического напряжения всех сил и средств, что привело к некоторому ослаблению внимания к охране памятников в стране. Но даже в годы войны реставрационные и исследовательские работы в нашей республике не прекращались. Вот что сообщила, например, газета «Советская Киргизия» 2 июля 1944 г.:

«Киргизский филиал Академии наук и Управление по делам архитектуры при Совнарком Киргизской ССР приступают к реставрации ценнейших памятников старины и составлению сводной археологической карты Киргизии. На днях выехала бригада к мазару Манаса, где начаты реставрационные работы под руководством архитектора Гринберга. Во вторую очередь намечены работы на Узгенском комплексе и башне Бурана».

В первые послевоенные годы, несмотря на то, что для восстановления народного хозяйства страны требовались огромные средства, Советское государство изыскивает их и для ремонтно-реставрационных работ. Так, в Киргизии в конце 1946 г. был сделан навес над гумбездом Манаса, прекрасным памятником зодчества XIV в. У гумбеда была поставлена круглосуточная охрана. На восстановление архитектурных памятников в 1947 г. было выделено около 200 тыс. рублей.

Спустя три года после окончания Великой Отечественной войны советское правительство вновь обращается к проблеме сбережения памятников культуры. Постановление Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. возлагает охрану памятников культуры, надзор за их содержанием на местные Советы депутатов трудящихся.

Руководство и контроль за постановкой учета охраны, реставрации и использования археологических и исторических памятников должны были осуществлять комитеты по делам культурно-просветительных учреждений при Советах Министров союзных республик, а комитетам по делам архитектуры и по делам искусств при Совете Министров СССР вменялось в обязанность осуществлять руководство и контроль за учетом, охраной, реставрацией и использованием памятников искусства и архитектуры.

Совет Министров СССР считал необходимым «организовать в местах сосредоточения большого количества памятников архитек-

туры специальные научно-реставрационные производственные мастерские».

В соответствии с этим постановлением Совет Министров Киргизской ССР принял 31 июля 1950 г. постановление «О мерах улучшения охраны памятников культуры». В нем намечались первоочередные работы по учету памятников, предусматривалось выделение средств на реставрационные работы в 1951 г. Приложением к постановлению послужили списки наиболее важных памятников культуры Киргизии, причем мазар Манаса и Узгенские мавзолеи были отнесены к памятникам всесоюзной категории. Эти постановления вызвали активизацию деятельности общественных и научных учреждений по охране, изучению и пропаганде памятников истории и культуры. На страницах республиканских, областных и районных газет стали чаще появляться заметки о реставрационных работах, о проведении обмеров и фотофиксации памятников древности, а также отклики читателей и корреспонденции о состоянии тех или иных исторических памятников, тревога за их сохранность. Все это являлось ярким свидетельством живого участия общественности в судьбе культурного наследия киргизского народа.

После октябрьского Пленума ЦК КПСС (1964 г.) дело охраны памятников получило дальнейшее развитие, вопросы охраны памятников в стране неоднократно рассматривались правительством. В дни подготовки к празднованию 20-летия победы над фашистской Германией и 50-летия Октябрьской революции в нашей республике были повсеместно приведены в порядок места захоронений героев гражданской и Отечественной войн, мемориальными досками отмечены места, связанные с историческими событиями, в городах и поселках, селах и горных кишлаках на средства общественности воздвигнуты обелиски в честь павших на фронтах войны земляков. Развернули активную деятельность пионерские и комсомольские организации, они установили шефство над памятниками боевой, трудовой и революционной славы.

Важным событием в культурной жизни республики стала организация Киргизского республиканского добровольного общества охраны памятников истории и культуры, учредительный съезд которого состоялся 15 февраля 1966 г. Основная задача Общества — оказывать помощь государству в выявлении, изучении и охране всех видов памятников, организовать их пропаганду.

В общество вступают не только отдельные лица в возрасте от 14 лет и выше (учащиеся до 14 лет создают группы друзей Общества), но в качестве юридических членов и колхозы, предприятия, учебные заведения. Эта ежедневно растущая армия борцов за претворение в жизнь ленинских заветов о сохранении и использовании в социалистическом строительстве культурного наследия со временем может стать великой жизненной силой, способной сыграть решающую роль в улучшении и демократизации всего дела охраны памятников.

Немаловажное значение имеет и последнее Постановление Совета Министров Киргизской ССР от 15 января 1968 г. «О мерах по улучшению охраны памятников на территории Киргизской ССР». Оно направлено на исправление недостатков в деле охраны и пропаганды памятников. Ответственность за состояние всех видов памятников возложена по-прежнему на местные Советы депутатов трудящихся, но руководство и контроль за постановкой учета, охраны, реставрации и

использования памятников республики будут осуществляться единым органом — Министерством культуры Киргизской ССР.

Чрезвычайно важное значение имеет пункт Постановления об организации художественно-реставрационной мастерской, что позволит приступить к реставрации архитектурных памятников, ценность которых определяется уже тем, что наиболее известные из них: башня Бурана, мавзолей и минарет в Узгене, мазар Манаса, Таш-Рабат и мавзолей Шах-Фазиль — имеют союзное значение и могут быть объектом посещений туристов. Постановление обязывает Министерство культуры Киргизской ССР «провести в течение 1968—1969 гг. учет всех выявленных до настоящего времени памятников, подлежащих охране».

Совет Министров Киргизской ССР утвердил также перечень памятников республиканского значения, подлежащих охране государством. В него включено 14 памятников искусства, 27 памятников археологии и истории и 2 памятника архитектуры. Следует отметить, что по сравнению с соответствующим Постановлением 1950 г. список памятников, подлежащих охране, значительно расширен.

Забота о памятниках старины, боевой и революционной славы была и остается одной из наиболее гуманных традиций Коммунистической партии и советского народа.

Социалистическое государство, взявшее с первых дней своего существования памятники культуры под бережную защиту, на протяжении 50 лет неуклонно следует тем принципам, которые были заложены великим Лениным. Нынешнее поколение советских людей приняло эту эстафету из рук отцов и дедов и стало наследником гордости и славы своей Отчизны.

М. ЮНУСАЛИЕВ

**ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА
НА ТЕРРИТОРИИ КИРГИЗИИ**

Вопросы о том, когда и где именно впервые появился человек на необъятных просторах нашей страны, каковы были конкретные условия его существования, исторические судьбы древнейших человеческих групп, т. е. что представляли собой первые, наиболее ранние, страницы истории нашей Родины, интересны не только для специалистов, но и для широкого круга читателей.

Отвечая на эти вопросы, виднейший специалист по палеолитоведению СССР Сергей Николаевич Замятнин в свое время писал: «Мы обладаем чрезвычайно небольшими возможностями дать полный и детально конкретный ответ на эти вопросы, естественно возникающие у каждого, кто начинает интересоваться начальными моментами истории нашей страны. Основными причинами такого положения является чрезвычайная фрагментарность документальных свидетельств, дошедших до нас от этой отдаленной эпохи, что совершенно естественно, ибо речь идет о чрезвычайно глубокой древности».

Первые обдуманно сделанные орудия — расколотый для получения острого края камень, грубо очищенная и заостренная ветка, ставшая палкой, — мало чем отличались от употреблявшихся наравне с ними естественных осколков камня и случайно подобранной палки. Понадобилось много сотен тысячелетий постепенного ознакомления со свойствами материалов, накопления и закрепления простейших технических навыков их обработки для того, чтобы можно было изготовить примитивные, так называемые дошельские и шельские каменные орудия, известные как самые древние памятники трудовой деятельности наших первобытных предков.

...В глубине ущелья медленно поднимается вверх группа людей. Кто они? Что привело их сюда? Почему наряду с альпинистскими ледорубами, крючьями и связками веревок у них небольшие, типа саперных, лопатки, ломы, кирки? Вот и объект их нелегкого маршрута — пещера, нависшая высоко над бурной рекой. Что «расскажет» она

людям, пришедшим к ней, откроет ли она тайны тысячелетий. А завтра снова в путь, далекий и интересный. Еще много будет пройдено сотен километров, обследовано множество пещер, пока тяжелый труд искателей, а главное любовь к своей профессии летописцев истории человечества, не увенчается успехом — открытием стоянок человека, обитавшего на территории нашей республики десятки тысяч лет тому назад.

Люди каменного века в одиночку не могли бороться с суровыми стихиями природы. Они жили и трудились сообща. Совместный труд был первым условием существования нашего далекого предка. Свои стойбища человек устраивал не только в природных полостях — гротах, навесах, пещерах, — но и на мысах при выходе из ущелий и оврагов (саев) в ту или иную широкую долину.

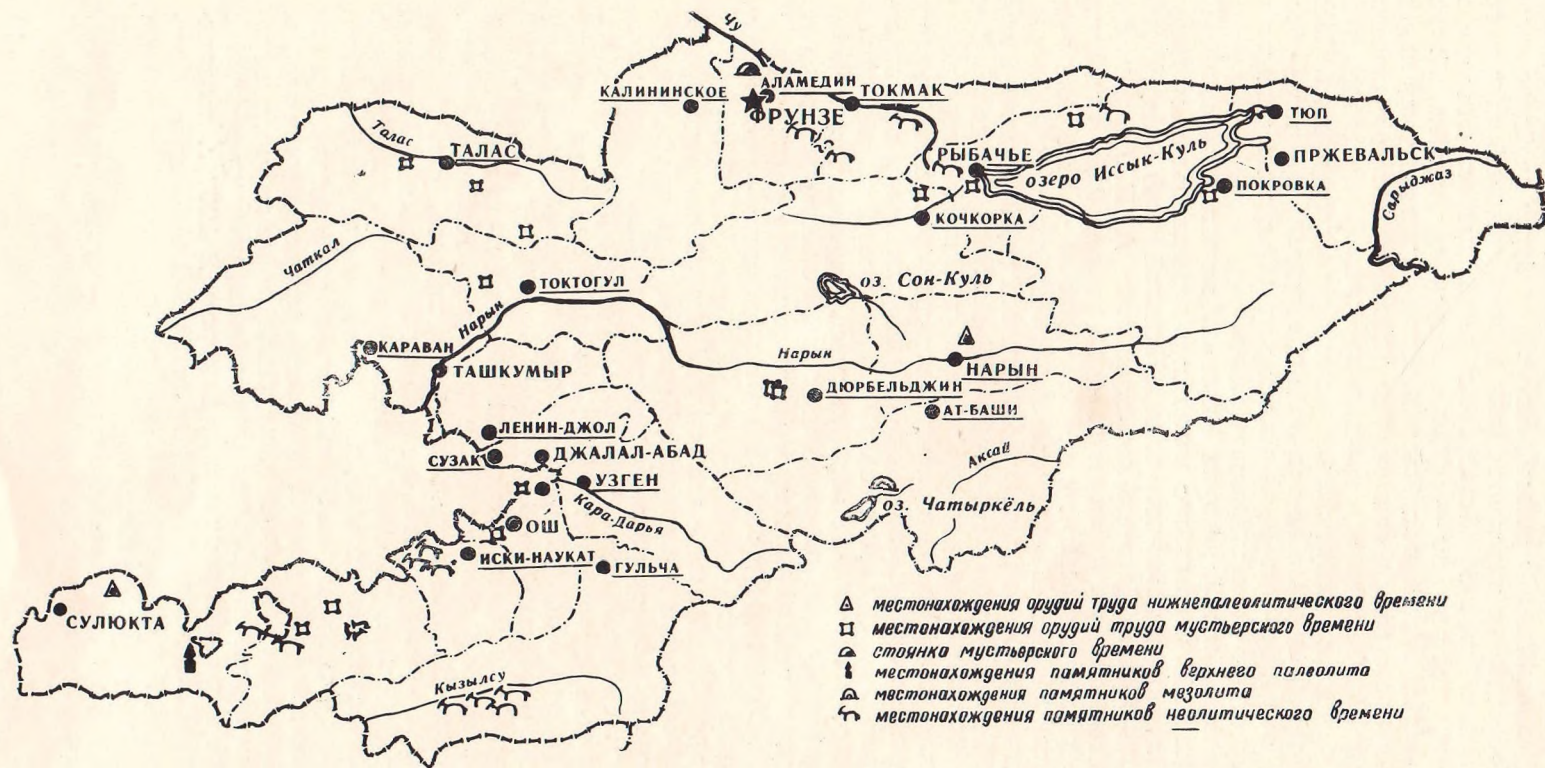
Изучение первобытной истории Киргизии началось по существу в 1953 г., когда А. П. Окладников наметил ряд специальных маршрутов для поисков следов каменного века в Чуйской долине, на Иссык-Куле и в Тянь-Шане. До этого исследователи А. Н. Бернштам и А. М. Тереношкин лишь регистрировали места, где могли быть найдены обработанные рукой первобытного человека камни, и отмечали перспективность изучения древнейшей истории республики.

В настоящее время мы располагаем большой группой интересных памятников по всем разделам первобытной истории Киргизии. Тут и мастерская Капчигай, где древние обитатели Южной Киргизии на выходах кремния устроили каменоломню-мастерскую. Остатки древних мастерских, рудников и каменоломен особенно интересны для археолога. Они дают наиболее точное, подробное и яркое представление о трудовых процессах и технологии производства. Картина производства восстанавливается здесь не по отдельным законченным вещам, а по самому его процессу. Исследователь видит вместе орудия труда и готовую продукцию, сырье и еще недоделанные вещи — вообще весь производственный процесс.

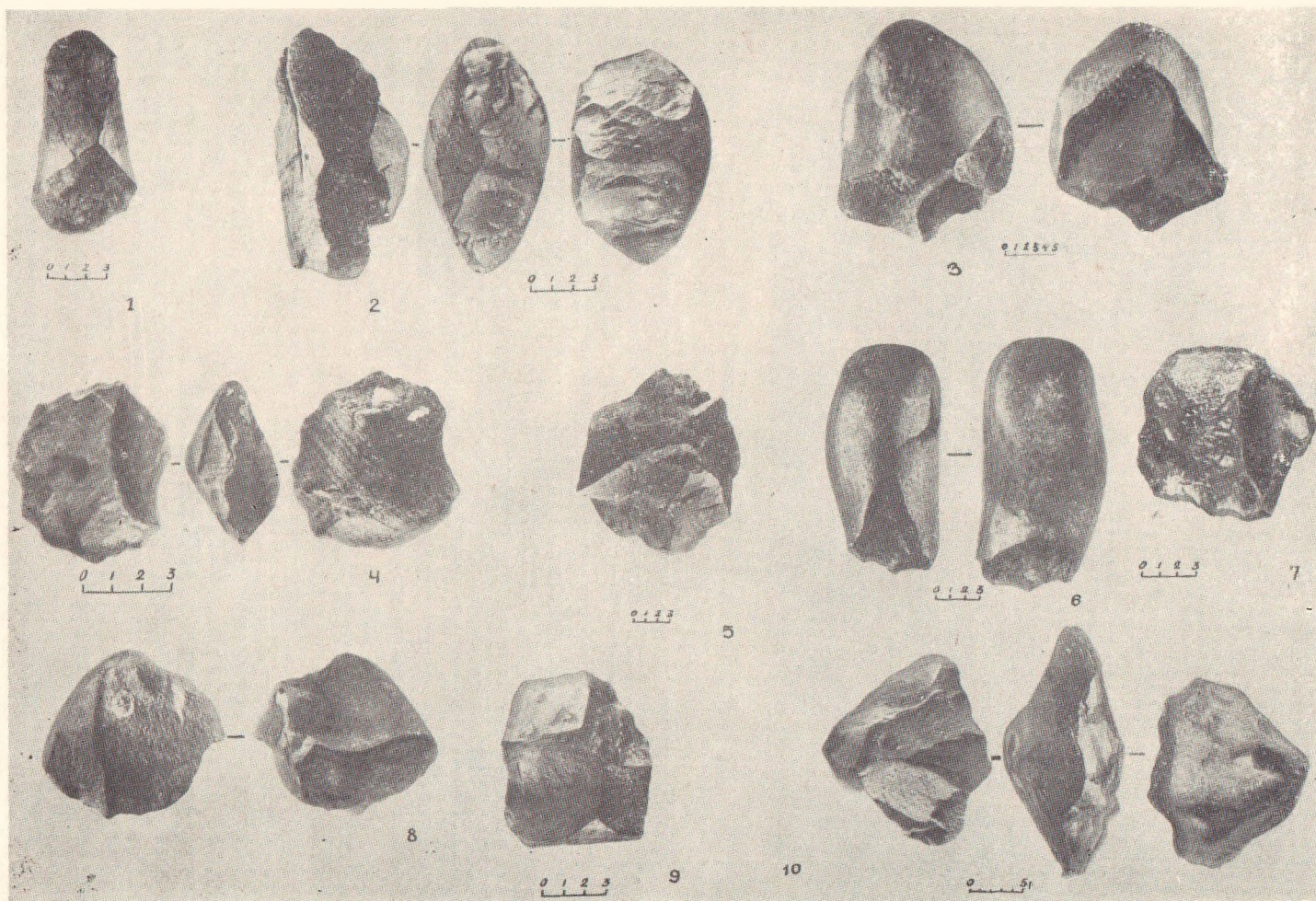
Одно из древнейших местонахождений людей каменного века Средней Азии находится в Северной Киргизии, где внимание привлекала древняя терраса, сложенная галькой и валунами, возвышающаяся над руслом реки Он-Арча. Пещера Ак-Чункур на р. Сары-Джас (высота 3000 м над ур. м.) и навес Таш-Кумыр также были обиталищами древнейших охотников Киргизии. Здесь археологи обнаружили так называемый культурный слой.

Культурным слоем называется слой земли на местах поселений, покинутых человеком. Он состоит обычно из строительного и хозяйственного мусора, органических перегнивших веществ, углей и золы от костров, смешанных с песком и глиной, нанесенными ветрами и намытыми водой. Культурным он называется потому, что хранит в себе остатки деятельности человека, т. е. остатки его культуры. Ветер и вода могут прикрыть культурный слой наносами песка или ила и тем самым сохранить его, но могут также развеять, размывать и уничтожить.

Особенно хорошо сохраняется культурный слой в пещерах и гротах, где он не подвергается действию ветра и воды, поэтому археологи и уделяют столь пристальное внимание пещерам. В 1967 г. палеолитический отряд АН Киргизской ССР (нач. отряда В. А. Ранов) исследовал десятки пещер и гротов во многих районах республики, но в большинстве случаев безрезультатно. Древние охотники выбирали самые удобные и пригодные для жилья полости — сухие, расположенные вблизи водных источников и т. д.

Археологическая карта памятников каменного века на территории Киргизии.

Орудия мустьерского времени, найденные в районе оз. Иссык-Куль.

Мустьерская стоянка на р. Тоссор (южный берег оз. (Прииссыккулье).

Интенсивные разведочные работы все же увенчались успехом. В районе слияния рек Нарын и Кара-Су, на левом берегу р. Кара-Су была обнаружена пещера Таш-Кумыр, в которой имелся культурный слой. Навес очень удобный, сухой, расположен на высоте 30—35 м над современным уровнем воды р. Кара-Су в меловых известняках. Высота пещеры 5 м, длина 14,5, ширина 6,5 м. Пол ровный. Потолок закопчен, в трещинах, состоит из больших монолитных блоков.

В небольшом шурфе, заложенном почти в центральной части на глубине 1,1 м, были найдены небольшие скребки, острия, пластинки. По общему числу предметов (около 40), извлеченных из шурфа, можно судить о насыщенности культурного слоя. Примечательно разнообразие материала, из которого изготавливались орудия. Древние мастера, жившие в пещерах, умело использовали для изготовления орудий производства всевозможных цветов кремний, красную яшму, бледно-зеленый известняк и даже хрупкий мергель. Предварительная датировка — IX—X тысячелетие до н. э.

Внимание археологов давно привлекали обитатели высокогорного Иссык-Куля. Еще в конце XIX в. поступали сообщения о различных находках, обнаруженных на берегах реки, эпохи бронзы, ранних кочевников, средневековья. И только о находках каменного века на берегах Иссык-Куля мы узнали сравнительно недавно, когда были найдены следы поздних культур каменного века в различных местах — в районе Чолпон-Аты, Бостери, около Тамги и Кой-Сары на южном берегу.

В 1965 г. автором был обнаружен ряд интереснейших местонахождений человека — Баз-Бармак и Ак-Улен, близ Рыбачьего, а также сделано несколько единичных находок в ущелье Бакты-Долон-Ата, близ Чолпон-Аты, в районе курорта Джергалан и р. Тоссор на южном

берегу Иссык-Куля. В. А. Ранов также открыл ряд редких местонахождений каменного века на обоих берегах озера, в том числе в 1965 г. стоянку Тоссор.

Эту стоянку мы решили исследовать для того, чтобы выявить четкий культурный слой. В шурфе обнаружилось два горизонта обработанного камня — один сравнительно неглубоко, а другой — на глубине 2 м, что дает основание предполагать, что здесь сохранились не только каменные орудия, но и культурный слой, состоящий из очагов, остатков пищи, костей животных и т. д. Возраст стоянки определяется как среднепалеолитический, т. е. 35—40 тыс. лет до наших дней. На озере Иссык-Куль это второй по древности археологический памятник после Боз-Бармака, возле Рыбачьего.

Создание постоянно действующего Палеолитического отряда при Киргизской археологической экспедиции вселяет надежду, что на территории нашей республики будут найдены новые интересные памятники первобытной истории.

Д. ВИННИК

●

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ ИССЫК-КУЛЬСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Неотъемлемую часть ландшафта котловины оз. Иссык-Куль составляют археологические памятники. Это немые свидетели далекого прошлого высокогорного района. Среди разнообразных памятников старины особенно многочисленны курганы, каменные изваяния и наскальные изображения. Они встречаются по всей территории, прилегающей к озеру, начиная от станции Кок-Мойнок. Их оставили различные кочевые племена, обитавшие в Прииссыккулье в течение многих веков.

Переход к кочевому образу жизни древних жителей Киргизии относится к VIII в. до н. э. Этот процесс характерен для многих племен, населявших огромное пространство от Северного Причерноморья до Центральной Азии.

Первыми носителями кочевой культуры на территории Средней Азии и Казахстана были сакские племена (среднеазиатские скифы), которые в VIII—VII вв. до н. э. составляли мощный племенной союз.

О существовании саков на Иссык-Куле свидетельствуют курганы и отдельные предметы материальной культуры высокого художественного достоинства, которые находят в различных местах котловины. Наиболее известен курган, расположенный у перевала Сан-Таш, в верхнем течении р. Тюп. Перевал назван именем этого кургана. Насыпь кургана состоит из десятков тысяч камней различной величины. В переводе с киргизского на русский язык «сан» означает счет, «таш» — камень (счетный камень).

О происхождении этого названия у киргизского народа есть интересная легенда. В конце XIV в. Тимур, совершая поход на восточные страны, решил до начала военных действий сосчитать количество своих воинов. «Для этой цели, проходя по побережью Иссык-Куля, он приказал каждому из своих воинов захватить с собой по одному камню. При переходе через перевал Тимур приказал своим воинам сложить захваченные камни в одну груды на берегу находившегося на

Общий вид кургана VI—III вв. до н. э. в долине Сан-Таш (Прииссыккулье).

перевале озера. Таким образом, число сложенных в груды камней представило полную численность войска, перешедшего через перевал. Когда же после продолжительного похода Тимур, победив всех своих врагов во множестве битв и завоевав обширные страны на востоке, возвращался в свою столицу тем же путем через Сан-Таш, то он вздумал произвести новый счет победоносной армии и приказал каждому воину, возвращавшемуся через Сан-Таш, захватить по одному камню из сложенной там груды. Гряда эта чрезвычайно уменьшилась, но зато, когда она была пересчитана, то численность их представила, с одной стороны, число погибших во время похода воинов, а с другой, — осталась навсегда их памятником, сложенным в чужой стране их собственными руками».

Это предание было записано еще в 1857 г. выдающимся русским путешественником и ученым И. П. Семеновым-Тянь-Шанским при посещении им Иссык-Кульской котловины. На самом же деле гряда камней у перевала Сан-Таш не имеет ничего общего с приведенной легендой. Она является курганом, где похоронен один из племенных вождей саков.

Над сооружением памятника трудились продолжительное время сотни людей, подвластных умершему вождю. О том, что это погребение представителя кочевой аристократии, свидетельствуют и размеры кургана. Диаметр его 50 м, высота — 4 м. У подножия выложен круг из камней. На вершине имеется большая воронка — след ограбления могилы. Ограбление курганов было распространенным промыслом в древности. Грабителей привлекали богатства, положенные вместе с умершим в могилу.

Возведение огромных надмогильных сооружений — одно из вещественных доказательств появления имущественного расслоения внутри

общества. Родовые старейшины и племенные вожди даже после смерти стремились отличить себя от рядовой массы. Над их могилами воздвигались величественные памятники в виде огромных холмов из земли или камня.

Вокруг Сан-Ташского кургана насчитывается свыше десятка небольших по размерам курганов, принадлежащих, по-видимому, рядовым кочевникам.

Курган у перевала Сан-Таш по внешнему виду напоминает погребения ранних кочевников так называемого «царского» типа, встречающиеся в различных районах Средней Азии и Казахстана. Но наибольшее сходство он имеет с курганами, расположенными в местности Пазарык на Алтае. Вполне возможно, что раскопки его представят исключительный по важности материал, который во многом расширит наше представление о культуре сакского племенного союза на территории Киргизии.

Очень интересны частые находки бронзовых сакских котлов, обнаруженные в различных местах Иссык-Кульской котловины, в том числе и на дне оз. Иссык-Куль. Котлы эти массивные, сферические, опираются на подставки конической формы или в виде фигур архара, тигра, а также стилизованные под конечности животных. Иссык-Кульские бронзовые котлы хранятся во многих музеях нашей страны.

Уникальны сакские жертвенники, найденные случайно при земляных работах в Семеновском ущелье в 1937 г. В настоящее время они экспонируются в Государственном Эрмитаже г. Ленинграда. В этот комплекс находок входят два бронзовых котла, две курильницы (свечильники), украшенные фигурками животных и зверей, два столика, на одном из которых сохранилось изваяние лежащего яка. Фигурки

Сакский котел.

животных и зверей выполнены в манере скифского «звериного» стиля, широко бытовавшего среди кочевников первого тысячелетия до нашей эры.

Иссык-Кульские жертвенники являются культовыми предметами. Саки были огнепоклонниками. Огонь, считавшийся у них священным, постоянно поддерживался в специальных светильниках, а животные, изображенные на светильниках, должны были охранять его от похищения злыми духами.

Значительная группа сакских находок представлена глиняной посудой, предметами оружия и украшений. Часть их добыта при раскопках погребений, другая — обнаружена в случайных кладах. Многие изделия по реалистичности выполнения приближаются к лучшим образцам скифского искусства.

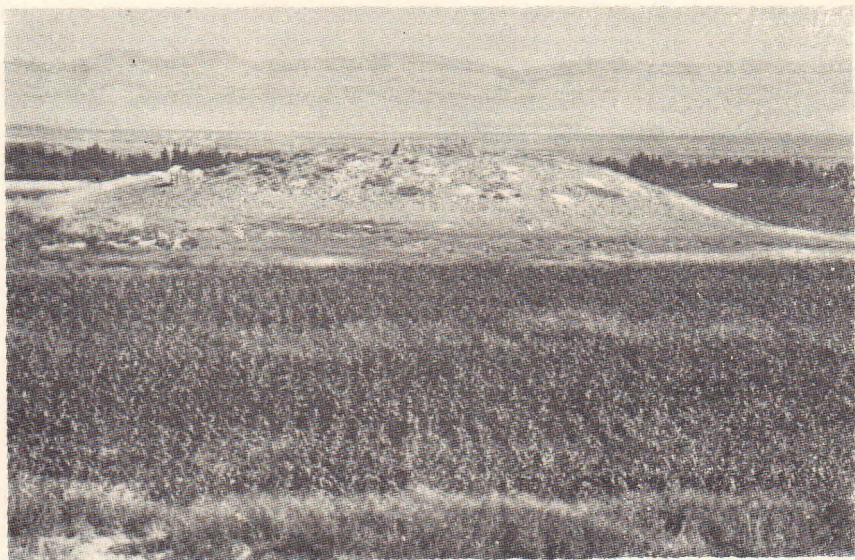
Преемниками сакской культуры на Иссык-Куле, как и на всей территории Киргизии, были усунь, проживавшие здесь в период с III в. до н. э. по VI век н. э. Усунь, так же как и саки, вели кочевой образ жизни и объединялись в могущественный племенной союз. В усуньском обществе происходит дальнейшее имущественное расслоение, о чем говорят не только письменные источники, но и археологические памятники — курганные могильники. Они более многочисленны, чем памятники предшествующего исторического периода, и распространены по всей котловине. Усуньские могильники характеризуются наличием ярко выраженных групп погребений «царского» типа — курганов племенной знати. Они в основном сосредоточены в восточной части Иссык-Кульской котловины.

На северном побережье поражают воображение курганы огромных размеров. Их величественные конусы возвышаются на обширной территории от с. Каменка до с. Тюп и далее на восток, в бассейнах рек Тюп и Джергалан. На южном побережье озера значительные скопления курганов наблюдаются на отрезке от г. Пржевальска до с. Чичкан. И лишь шесть курганов находятся в западной части котловины, в бассейне р. Ак-Терек.

Курганы племенной знати усуней растянуты цепочкой по направлению с севера на юг. Надмогильные насыпи земляные. Диаметр их колеблется от 30 до 80 м, высота — от 3 до 12 м. На вершине каждого кургана имеются воронки — следы ограблений. Под насыпями скрыты обширные могильные ямы для одиночных или групповых захоронений. В могилах вместе с умершими обычно находят различные предметы домашнего обихода, оружие и многочисленные украшения из драгоценных металлов.

Представление о конструкции насыпи и могильной ямы подобных погребений дает курган, раскопанный к западу от с. Курменты. Диаметр его 30 м, высота — 3 м. Насыпь земляная. Внутри насыпи большая груда камней. Могильная яма была перекрыта бревнами. Стены ее обложены грубо обтесанными досками. Длина ямы 3,5 м, ширина — 2,5, глубина — 2 м. На дне ее стояли в беспорядке 24 глиняных чаши. Другой погребальный инвентарь не сохранился. От скелета остались только отдельные кости. Отсутствие многих вещей, в том числе и скелета — явный признак того, что здесь побывали грабители.

Курганы рядовых кочевников — это небольшие по размерам земляные или каменно-земляные насыпи. Диаметр их 4—10 м, высота — 0,3—1 м. Могильные ямы в основном грунтовые, иногда их стенки обложены камнями. На дне могил рядом со скелетами находят гли-

Общий вид погребения усуньской племенной знати.

няную и деревянную посуду, наконечники стрел, кинжалы, ножи, украшения, зернотерки и др.

Материал, добытый из погребений, в совокупности с письменными источниками позволяет судить о различных сторонах жизни усуней и их связях с другими народами и странами.

Начиная с VI в. н. э., на территории Иссык-Кульской котловины расселились тюркоязычные кочевые племена, которые ассимилировали проживавших здесь усуней. С этого времени население Прииссыккулья заметно увеличивается, о чем свидетельствуют и археологические памятники. Курганы расположены в прибрежной, подгорной и горной частях котловины и в сыртовых районах Прииссыккулья. В этот же период здесь обитает и оседло-земледельческое население, памятники которого представлены развалинами городов и поселений.

С появлением на Иссык-Куле кочевых тюркоязычных племен изменяется и внешний вид могильников. Среди них преобладают небольшие курганы с каменными или каменно-земляными насыпями. Иногда насыпи отсутствуют, а вместо них над могилами возвышаются прямоугольные или четырехугольные каменные оградки. Разнообразнее становится погребальный инвентарь. При раскопках в курганах находят глиняную и деревянную посуду, ткани, колчаны с древками и наконечниками железных стрел, кинжалы, палаши, костяные накладки на лук, седла, стремяна, изделия из железа, бронзы, камня. Здесь же лежат бусы, серьги, подвески, перстни, браслеты, искусно изукрашенные древними мастерами. Распространенным погребальным обрядом было захоронение коня рядом с умершим хозяином.

В VI столетии в погребальный обряд входит обычай ставить на курганах или рядом с ними каменные изваяния (балбалы), которые встречаются по всей Иссык-Кульской котловине и в сыртовой части. Особенно много каменных изваяний в окрестностях сел Тюп, Шаты, Ичке-Су, Талды-Су, Кочи, Корумды и Кен-Су. Изваяния бывают объем-

Каменное изваяние тюркского времени.

Каменное изваяние тюркского времени.

ные (скульптурные) и плоскостные. Они представляют собой или изображение знатного противника, которого умерший убил при жизни, или облик самого умершего. Чаще всего такие изваяния увековечивали суровых воинов. На многих скульптурах хорошо выделяются черты лица и детали туловища. В правой руке, обычно согнутой под прямым или острым углом, на уровне груди — чаша или кубок. Левая рука полусогнута и лежит на рукоятке кинжала или меча, висящего на поясе. На некоторых изваяниях можно даже рассмотреть форму головных уборов, одежды, украшений. Большая часть памятников этого типа относится к VI—X вв. Каменные изваяния свидетельствуют о высоком уровне развития изобразительного искусства у древних тюркоязычных племен.

Многочисленную категорию памятников составляют наскальные изображения. Основная часть их датируется первым тысячелетием до н. э. — I—XII вв. н. э. Они позволяют судить о самых различных сторонах жизни и идеологии древних кочевников. На многих наскальных рисунках запечатлены домашние и дикие животные, звери, птицы, сцены охоты, ритуалов и т. д.

Разнообразные рисунки древних художников встречаются почти в каждом из ущелий Кунгей и Терской Ала-Тоо и на крупных валунах, лежащих недалеко от дороги Рыбачье — Пржевальск на всем протяжении от с. Орнок до с. Чолпон-Ата. Особенно уникальны рисунки на камнях у с. Чолпон-Ата. Здесь изображены олени, козлы, барсы, быки, собаки, верблюды и пр., причем фигуры животных выполнены реалистично и поражают высоким художественным мастерством. На восток от Чолпон-Аты и до с. Ананьево наскальные рисунки продолжают встречаться на валунах. От с. Ананьево и до перевала Сан-Таш

Каменное изваяние
тюркского времени.

Наскальные изображения.

Наскальные изображения.

они большей частью находятся на скалах в ущельях Кунгей Ала-Тоо. Значительные их скопления имеются в Тургенском, Ак-Суйском, Каракольском, Джеты-Огузском, Джуукинском, Барскаунском и Тонском ущельях, Ак-Сайской, Конуруленской, Алабашской долинах и урочище Акулен.

Памятники древних кочевников Иссык-Кульской котловины представляют огромную научную ценность для изучения истории и культуры киргизского народа. Но многие из них, особенно в последние годы, в связи с интенсивными сельскохозяйственными и дорожными работами, бесследно уничтожаются, чем, конечно, наносится большой урон исторической науке. Поэтому бережное отношение к памятникам, всемерная забота об их охране — прямой долг каждого гражданина нашей республики.

Д. ВИННИК

●

ДРЕВНИЕ ГОРОДА И ПОСЕЛЕНИЯ ПРИИССЫККУЛЬЯ

Иссык-Кульская котловина в далеком прошлом была местом обитания не только кочевого, но и оседлого населения. Об этом свидетельствуют как письменные источники, так и археологические памятники. В летописях античного периода есть сведения о древнеусуньской столице, которая была расположена на юго-восточном побережье Иссык-Куля. Однако точное местонахождение этого города не указано. Ничего не говорится о его внешнем облике, размерах и архитектуре. Известно только, что он возник в III в. до н. э. и существовал продолжительное время.

История древнеусуньской столицы интересовала еще дореволюционных ученых. Так, П. П. Семенов-Тянь-Шанский предполагал ее расположение то в бассейне р. Джергалан, то в районе устья р. Тюп. Исчезновение этого города он в одном случае связывал с обвалом в озеро в результате землетрясения части прибрежной полосы. Но обследование дна Тюпского залива в районе устья р. Тюп и бассейна р. Джергалан показало, что город надо искать в другом месте. Правда, в 12 км к западу от устья р. Тюп на дне залива обнаружены многочисленные вещественные материалы, свидетельствующие о существовании здесь в конце первого тысячелетия до нашей эры поселения, однако оно не могло быть древнеусуньской столицей.

Некоторые из дореволюционных исследователей считали, что древнеусуньская столица была на месте урочища Кой-Сары. Но, как показали археологические материалы, возникновение города в этом районе относится только к средневековому времени.

Поиском местонахождения древнеусуньской столицы занимался и известный советский археолог А. Н. Бернштам. Он в результате проведенных исследований предположил, что столица усуней находится где-то в окрестностях совхоза «Оргочер». Свое мнение он обосновывал существованием в окружающей совхоз местности крупных могильников усуньской племенной знати, а также топонимическими данными.

Поиски города затруднены тем, что многие археологические памятники в юго-восточной части побережья оз. Иссык-Куль уничтожены. Возможно, будущие исследования и приоткроют завесу над тайной местонахождения древнеусуньской столицы, а пока мы можем говорить о ее существовании лишь на основе упоминаний о ней в письменных источниках.

О населенных пунктах Иссык-Кульской котловины средневекового периода имеется больше сведений. В письменных источниках того времени даже приводятся названия отдельных городов. Но опять-таки средневековые авторы не указывают точного места расположения городов и поселений. Однако этот пробел в большой степени восполняется работами археологов. На основе многочисленных исследований им удалось восстановить картину городской и сельской жизни Прииссыккуля средневекового периода.

Какие же сведения сообщают средневековые авторы?

Арабский путешественник Тамим ибн Бахра, посетивший Иссык-Куль во второй половине VIII в., упоминает о существовании здесь четырех больших и четырех малых городов. В одном из них он насчитал 20000 воинов. Интересно следующее свидетельство этого путешественника: «На Иссык-Куле есть следы древнего города, я не нашел среди тюрков никого, кто бы знал его историю, кто его основал, кто были его жители и когда он был разрушен». Здесь возможно единственное предположение, что этим городом являлась бывшая столица усуньского племенного союза, которая ко времени приезда Тамима ибн Бахры на Иссык-Куль была уже покинута жителями и превратилась в развалины. Таким образом, свидетельство Тамима ибн Бахры — еще одно доказательство существования античного города на территории Иссык-Кульской котловины.

Автор X в. Кудама ибн Джафар в своем сочинении «Китаб ал-Харадж» («Книга о налоге») пишет, что на Иссык-Куле было четыре больших и пять малых городов, а в городе Барсхан насчитывалось 20000 воинов.

В книге неизвестного автора X в. «Худуд ал-Алам» («Граница мира») перечисляются города Прииссыккуля: Барсхан, Тон, Тальхиз, Сиккуль. В XI в. упоминается еще город Яр. В летописях последующих столетий, кроме города Иссык-Куль (бывший Сиккуль) и поселения на острове в местности Кой-Суй, где Тимур по преданию держал своих знатных пленников, других данных о поселениях Иссык-Кульской котловины не имеется.

Таким образом, сведения письменных источников VIII—XV вв. о городах и селениях чрезвычайно скудны и отрывочны. Но ценность их заключается в том, что в них содержатся названия нескольких городов. Трудность определения местонахождений вышеназванных городских центров заключается в том, что археологическими исследованиями обнаружено поселений немного больше, чем указано средневековыми авторами. Только два города могут быть с уверенностью отождествлены — Тон (современные развалины городища Хан-Дюбе, расположенного в 7 км к югу от с. Бокомбаевское) и Барсхан (городище Барскаун, находящееся в устье одноименной реки, недалеко от озера).

В настоящее время на территории Иссык-Кульской котловины известно около 100 развалин крупных и мелких поселений.

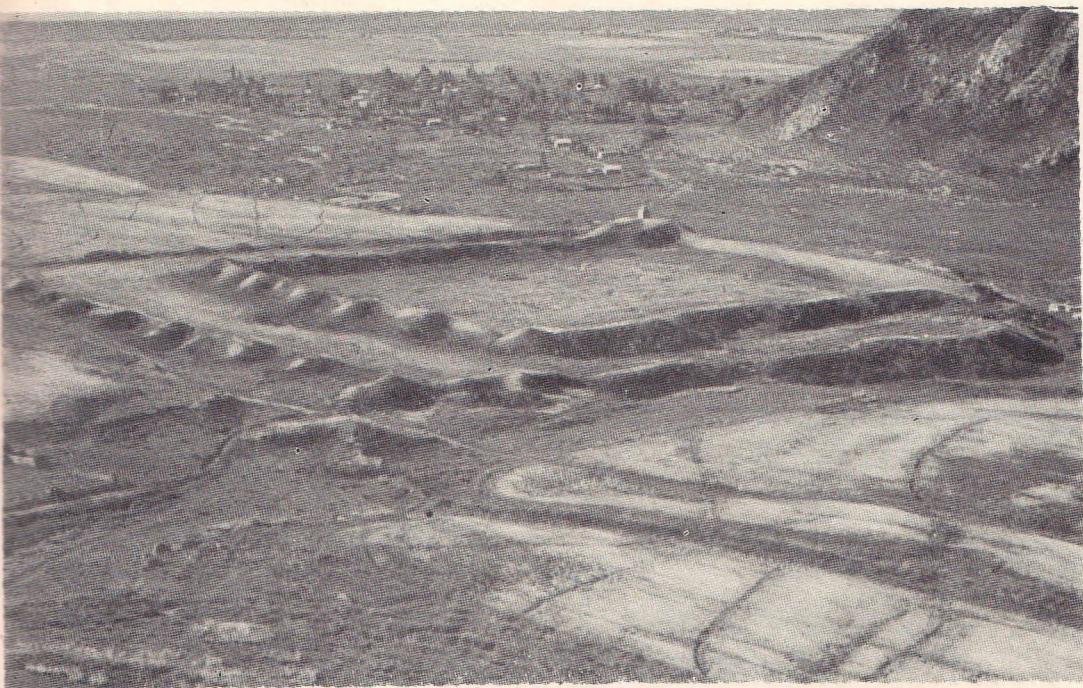

Общий вид центральных развалин городища Хан-Дюбе (*древний город Тон*).

Возникает вопрос, почему существует такое противоречие между данными письменных источников и данными археологических исследований? Средневековые авторы, за исключением Тамима ибн Бахры, не были на Иссык-Куле и пользовались, по-видимому, каким-то одним первоначальным источником, не внося в него изменений и добавлений. За время с VIII по XII в. в связи с развитием производительных сил феодального общества не только в Иссык-Кульской котловине, но и в других районах Северной Киргизии возникали все новые и новые поселения, однако об их численности, хотя бы приблизительной, в письменных источниках сведений нет.

Первые средневековые поселения на территории Прииссыккуля появились в VI—VII вв. Основателями их были местные тюркоязычные племена. В последующее время, до XII в., число их поселений возрастает.

Из крупных средневековых городов известны руины городищ: Улахольское, Борбулакское, Хан-Дюбе, Барскаунское, Дарханское, Кой-Саринское, Тору-Айгырское. Общим в топографии этих городов является наличие стен, окружающих площади в несколько десятков и сотен гектаров. Внутренней планировкой они несколько отличаются друг от друга. В некоторых городищах имеется цитадель и прилегающая к ней территория с мощным культурным слоем. Эта часть города окружена крепостной стеной, укрепленной башнями. В других городищах вместо цитадели сооружены многочисленные постройки, сосредоточенные в наиболее защищенных местах. За пределами централь-

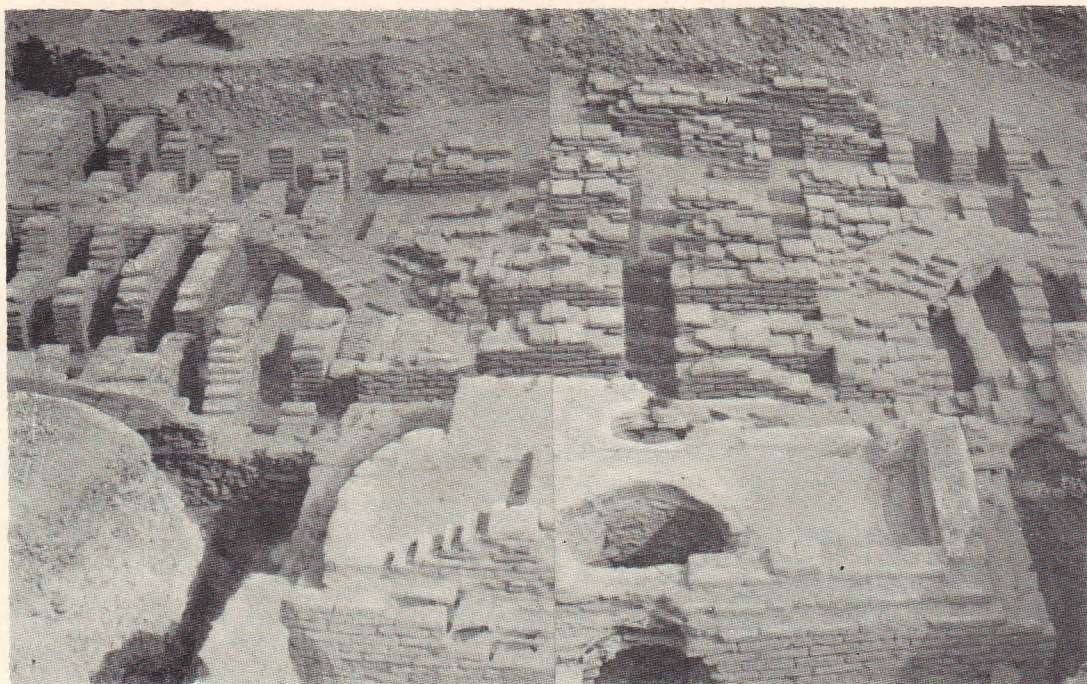
Общий вид городища в Каменском ущелье.

ных развалин располагались жилища рядовых горожан с земельными участками. Эта часть города окружалась длинной стеной.

Территория средневековых городов, как уже упоминалось, была огромной. Так, например, город Барсхан занимал площадь приблизительно 4×4 км. Конечно, не вся эта территория была обжитой, но зато на ней вполне могли расселиться все горожане и разместиться 20000 воинов, число которых упоминается в средневековых источниках. Необходимо учитывать и то, что эти воины жили не только в городе, но и за его пределами, где во многих местах обнаружены следы заселенности.

Северная граница городища проходит вблизи берега оз. Иссык-Куль, восточная — по обрывистому берегу реки, южная — вдоль подножья хр. Терской Ала-Тоо и западная — по высокому и обрывистому берегу р. Барскаун. Здесь же находятся и центральные развалины городища. Таким образом, для укрепления города были удачно использованы естественные преграды. Барскаунское городище по топографии и сохранившейся топонимике вполне соответствует г. Барсхан, который упоминается в письменных источниках VIII—XII вв. («Барсхан — населенный богатый город на берегу озера»).

К числу крупнейших средневековых городов Иссык-Куля относится и городище в урочище Кой-Сары. Территория его обнесена длинной стеной. Центральная часть располагалась на самом берегу озера. Именно здесь как в дореволюционное время, так и в советские годы под водой было зарегистрировано наибольшее скопление построек из обожженного кирпича. Но затем, в результате понижения уровня воды

Общий вид ремесленного центра по обжигу кирпича (*Тору-Айгырское городище*).

в озере, постройки оказались на берегу и кирпич с них был разобран жителями окрестных сел. Раскопки, проведенные в различных местах урочища в последние годы, также подтверждают, что центр города находился в северной части урочища. Именно здесь оказалось наибольшее количество вещественных материалов. Установить название этого города пока не удалось.

Крупными поселениями были и современные развалины городищ, находящиеся в районах сел Шор-Булак, Николаевка, Сары-Булак, Курменты, Каменка, Бозтери и др.

Кроме городских центров, на Иссык-Куле существовало большое количество мелких поселений. Многие из них располагались в округе крупных городов, остальные — в прибрежной и предгорной частях котловины. Это были временные ставки кочевых феодалов, караван-сарай, военные укрепления и сельские населенные пункты. По сравнению с крупными городами площади таких поселений незначительны. В плане они четырехугольной или прямоугольной формы. Внутренняя часть имеет культурный слой мощностью от 0,5 до 3 м. Крепостные стены различны по толщине и высоте, что зависело от характера поселения. Например, для прочности по углам и фасу глинобитных стен возводились башни. Стены караван-сарая в долине Сан-Таш складывались из камней и скреплялись известковым раствором.

Жители городов и поселений Иссык-Кульской котловины занимались земледелием, различными ремеслами и торговлей. Развитию земледелия способствовали благоприятные природные условия. Оно было орошаемым. Об этом говорят остатки большого числа каналов. О том, что были развиты разнообразные ремесла — гончарное, желез-

ноделательное, кузнечное, каменотесное и др., — свидетельствуют многочисленные материалы, полученные при раскопках поселений. Большие достижения были и в строительной технике и производстве строительных материалов. Существовали ремесленные центры по обжигу кирпича и керамических плиток. Один из них функционировал в Тору-Айгыр.

Торговля велась как с соседними племенами, так и народами дальних стран. Оседлоземледельческое население имело тесные связи с кочевыми племенами, и между ними происходил постоянный обмен продуктами ремесла и хозяйства.

Прекращение жизни в большинстве городов и поселений котловины оз. Иссык-Куль, так же как и на всей территории Киргизии, связано с разрушительным нашествием татаро-монгольских полчищ. Земледельческие районы были превращены в пастбища для скота, города и поселения — в развалины. Жители, спасаясь от врагов, покидали обжитые места и уходили в горы. Татаро-монгольское иго основательно подорвало производительные силы и культуру народов Киргизстана в период их высокого развития. Правда, жизнь в отдельных городах после непродолжительного времени возобновилась и продолжалась до XV—XVI вв., но она уже не могла достигнуть прежнего уровня.

Таким образом, с XIII в. на территории Иссык-Кульской котловины, как и в других районах Киргизии, начинает господствовать кочевой образ жизни населения. Об оседлоземледельческом хозяйстве Прииссыккуля со времени нашествия калмыков нет ни письменных сведений, ни археологических данных. Кочевой образ жизни исключал возможность появления оседлых поселений и развития земледелия. Между различными племенами велась постоянная борьба за обладание пастбищами, захват новых территорий. Междоусобные войны подрывали экономику края. Так продолжалось вплоть до вхождения Киргизии в состав России. И только с середины XIX в. на Иссык-Куле вновь стала возрождаться оседлоземледельческая культура.

Ч. ДЖУМАГУЛОВ

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КИРГИЗИИ

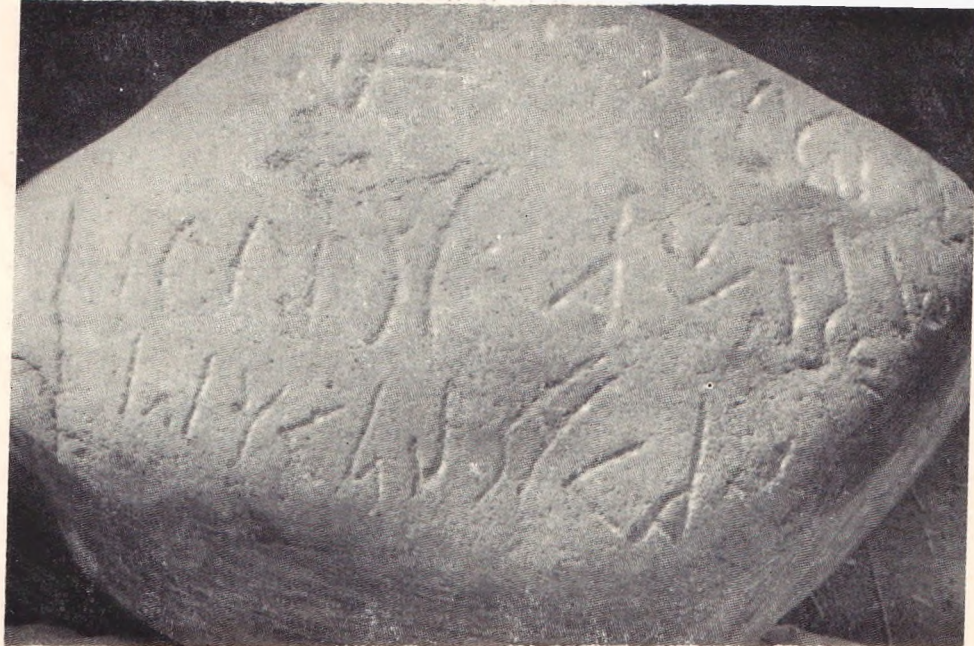
●

Киргизия — страна одновременно и древняя и молодая. Седой Ала-Тоо является свидетелем многовековой истории некогда живших здесь народов и племен. Действительно, на территории нынешней Киргизии испокон веков жили народы с различными религиозными верованиями, укладом и уровнем жизни, с богатой самобытной и яркой для своего времени культурой, одной из форм которой была письменность.

В середине первого тысячелетия нашей эры северная часть территории Киргизии была заселена преимущественно тюркоязычными племенами, а также ираноязычными согдийцами. В пору тюркского каганата (VI—VIII вв.) усилился приток населения из Центральной Азии на Тянь-Шань. В результате тесной связи населения Центральной Азии и Южной Сибири с Семиречьем в этом крае получила распространение так называемая руническая орхоно-енисейская письменность.

Как известно, еще в XVIII в. многие путешественники в бассейне верхнего и среднего течения Енисея находили стелы с таинственными надписями. Впоследствии русскими учеными подобные надписи были открыты в Монголии, в бассейне р. Орхон и других местах. Честь первой расшифровки их принадлежит датскому ученому В. Томсену и академику Российской Академии наук В. В. Радлову. Эти надписи, как и некоторые другие, относились к V—XI вв. н. э. и были написаны на древнетюркском (киргизском) языке.

Что же дает изучение этих памятников науке? Во-первых, сам факт создания такой письменности свидетельствует о высокой культуре древних тюрков, в том числе киргизов. Во-вторых, в памятниках обычно заключен очень богатый материал об отдельных сторонах жизни тюркских племен Центральной Азии, об их социально-экономическом строе. Но самое главное — это язык, на котором были написаны каменные книги тюрков.

Древнетюркская надпись (Таласская долина).

Сейчас трудно установить, где и когда именно возник алфавит тюркской письменности. Невозможно также точно определить, на базе каких диалектов выработался язык данной системы письменности. Но можно предполагать, что она была самобытной, зародилась и развивалась на базе местных диалектов. Существует мнение некоторых ученых о том, что орхоно-енисейская письменность возникла на основе арамейского алфавита, так как имела с ним некоторое внешнее сходство. Однако такое утверждение не имеет под собой почвы.

Орхоно-енисейская, т. е. древнетюркская письменность уже в VI—VII вв. окончательно оформилась (может быть и раньше) одновременно на огромных территориях Южной Сибири, Алтая, Монголии и др.

О ходе движения орхоно-енисейского письма существуют разные мнения. Проф. С. Е. Малов отмечал: «Вслед за крупными авторитетами — акад. В. В. Радловым и проф. В. Томсеном — я не имею никаких причин не считать эти енисейские памятники принадлежащими киргизам». Далее он подчеркивает, что язык енисейских памятников письменности V в. и есть древний киргизский язык. Идентичные памятники с древнетюркскими текстами были найдены Гастевым и В. А. Каллауром в 1896 г. в Таласской долине, в Айртам-ой. Позднее в других местах (Кой-Сара, Ачик-Таш) ученым удалось зарегистрировать памятники этой группы. В 1961 г. археологи и тюркологи Академии наук республики сделали большое открытие, обнаружив в Кырк-Казыке (Таласе) еще несколько древнетюркских памятников. Сейчас их в Киргизии насчитывается двенадцать. Они написаны (кроме палочки из Ачик-Таша) на больших валунах, и часть из них привезена в исторический музей г. Фрунзе. О них написано много исследований и статей разного характера.

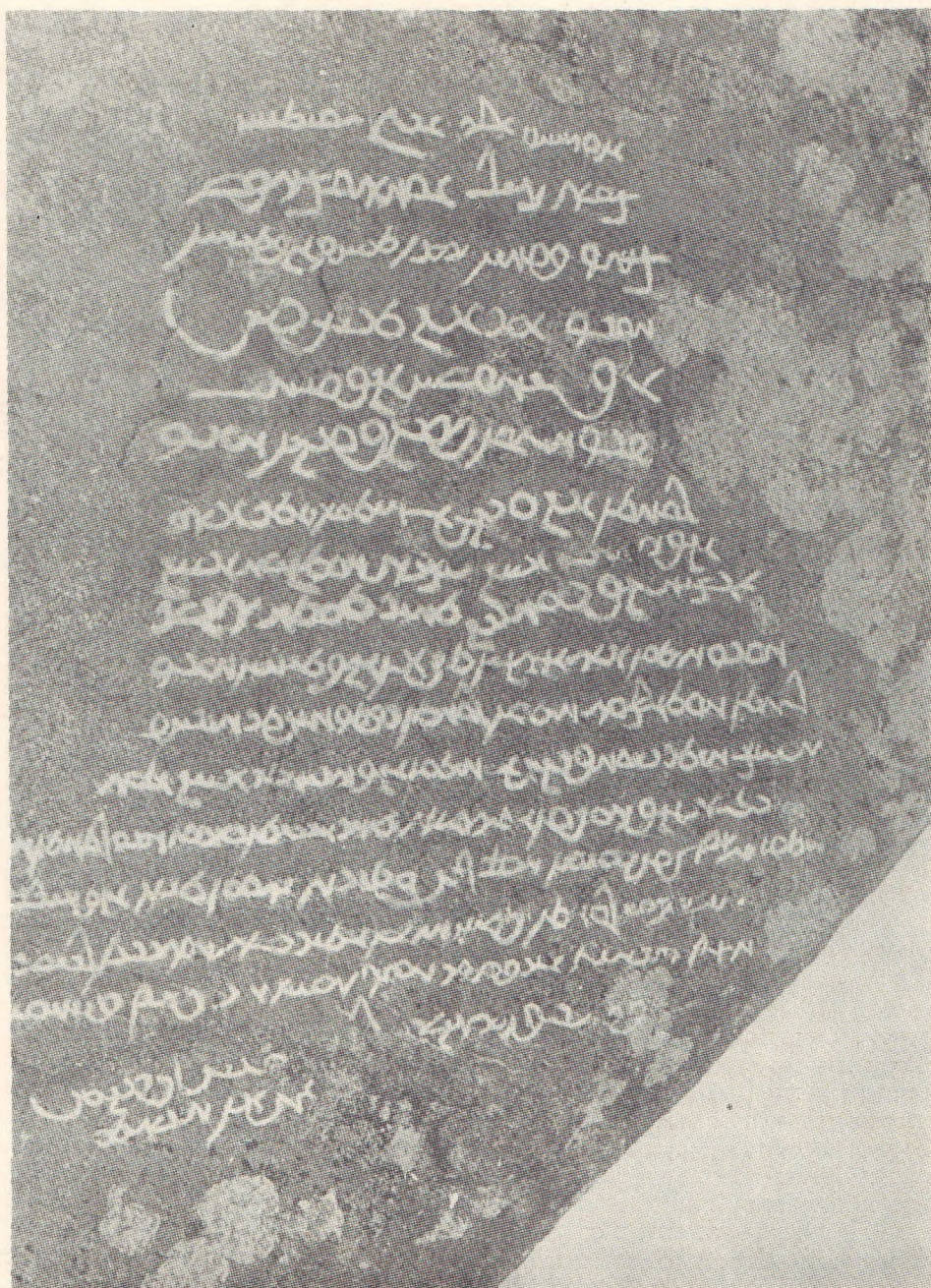
Эта письменность в XI в. утратила свое значение в связи с оформлением и распространением уйгурской письменности, созданной на основе согдийского алфавита. Среди немногочисленных памятников уйгурской письменности очень ценны найденные при археологических раскопках крупные сосуды (хумы) с надписями на поверхности, а также обнаруженные на скалах и камнях Кулан-Сая и Терек-Сая в Таласской долине вертикальные надписи с большим количеством строк. В других районах республики такого рода памятники еще никогда не встречались.

Вот уже прошло семьдесят лет с того дня, как об этих памятниках стало известно науке, но они до сих пор не расшифрованы. Это объясняется, во-первых, тем, что надписи находятся в труднодоступных местах и снять с них эстампажи или срисовать их очень трудно. Во-вторых, большая часть надписей сделана на высоте 7—8 м от земли, да и шрифты не очень заметны. В-третьих, прошло много столетий с тех пор, как были высечены эти надписи, и поэтому сейчас нелегко различить письмо на камне, который покрыт загаром, минеральными наслоениями. Несмотря на это, ценность таких памятников несколько не уменьшается. Можно надеяться, что в скором будущем исследователи раскроют тайну этих каменных книг. Уйгурские памятники в основном относятся к караханидскому периоду.

Люди уходят, а следы остаются. Созданные руками человека вещи проходят суровое испытание времени. Многие изделия не дошли до нас, а если и дошли, то не такими, какими были в первоначальном виде. Самыми долговечными являются надписи, оставленные на камнях. Однако время может и камни испортить. Поэтому необходимо скорее их исследовать.

Кроме этих памятников, в Чуйской долине (близ городов Пишпека и Токмака) в 1885 г. были обнаружены древнехристианские кладбища, где имелись многочисленные каменные надгробья с эпитафиями, написанными сирийским шрифтом. Первыми их открывателями считаются Н. Н. Пантусов и Ф. В. Поярков. Однако следует отметить, что впервые на это место наткнулся межевщик Семиреченского областного управления Т. Андреев, отводивший земельные наделы крестьянам с. Аламединского. Позднее, в 1907 г., у реки Жууку (Зауке), на южном берегу Иссык-Куля, были найдены два несторианских памятника, а в 1963 г. — еще один. Только на пишпекском кладбище было зафиксировано более шестисот надгробных камней с крестами и надписями. С археологической и антропологической целью Н. Н. Пантусов раскопал более восьмидесяти древних христианских могил и пришел к заключению, что на этом месте было погребено приблизительно три тысячи человек. Почти все памятники были отправлены в центр, сначала эстампы и фотографические снимки со многих из них, а затем сами подлинники, потому что открытие здесь следов христианства вызвало живой интерес в ученом мире и считалось важным событием в востоковедении. Семитологи и востоковеды-тюркологи, археологи энергично взялись за исследования, переводы этих надгробий. И не без успеха. Сюда вложили большой труд проф. Д. А. Хвольсон, М. В. Никольский, С. С. Слуцкий, акад. Ф. Е. Корш, В. В. Радлов, позднее акад. П. К. Ковцов и другие.

Такие же памятники были найдены возле Токмака, в районе башни Бурана, где Ф. В. Поярков нашел около двадцати камней с изображением креста и с надписями. Сейчас на старых местах что-

Уйгурская надпись в ущелье Кулан-Сай.

либо обнаружить, конечно, трудно, так как интенсивное строительство городов и сел, расширение посевных площадей и т. п. привели к исчезновению этих памятников. Такова жизнь. Да и время берет свое.

Какую ценность для науки представляют несторианские памят-

Несторианский надгробный камень с эпитафией из с. Саруу (Прииссыккулье).

ники? Они как вещественные доказательства открывают новую страницу в изучении движения, распространения несторианства и несториан, их миссий среди тюркских племен. Те надгробия, которые написаны на тюркском языке, для нас очень ценны, ибо их исследование даст возможность в какой-то мере выяснить отношение языка эпитафий к другим тюркским языкам, прольет свет на происхождение многих лингвистических явлений, отраженных в них.

Наши памятники в основном относятся к XII—XIV вв. Средневековые миссионеры-путешественники, хотя и сообщают, что они видели много несториан в этих районах, но не писали о том, что несториане-тюрки ставили такие памятники. В 1253 г. путешественник Рубрук, проезжая по этим местам, видел только пепелища и разрушения, оставленные монгольской конницей. По датам надписей можно установить, что и после этих событий здесь жили несториане. А. Н. Бернштам в своей брошюре «Культура древнего Киргизстана» пишет, что и после походов монголов в Киргизии продолжалась в какой-то степени культурная жизнь. В ставках монгольских ханов опустевшего

Киргизстана находились многочисленные ремесленники разных национальностей. О множестве профессий и разном происхождении ремесленников говорят многочисленные находки в Киргизии, особенно близ городов Токмак и Фрунзе, христианских надгробий, на которых крест окаймляет надпись, выполненная сирийским алфавитом. Веротерпимость монголов и их любовь к роскоши и богатству были причиной, способствовавшей сохранению ремесленников, христиан по религии, мастеров разных профессий, выходцев из различных стран. И все же это была эпоха гибели культуры, застоя и регресса. Погибли некогда мощные центры культуры. Города, исчезнувшие при монголах, оказались покрытыми слоем пожарищ.

Весьма интересен вопрос, с кем же имели дело несториане, с какими тюркскими племенами они были связаны? Кого обратили в христианство? Акад. А. А. Бартольд, касаясь этого вопроса, писал, что перед монгольским нашествием страну между Таласом и оз. Иссык-Куль занимали канглы: к ним, по всей вероятности, принадлежали несториане Семиреченской области. Утверждать это нельзя, так как нам ничего не известно о религии канглов. Эту же точку зрения на основе эпиграфических материалов поддерживал А. Н. Бернштам. По его словам, среди несториан было большое количество тюрков, особенно племени канглов, принявших христианство. Может быть. Но по надписям что-либо определенное в пользу этого сказать трудно, потому что язык канглов пока еще не описан. Здесь могли быть представители и других тюркских племен. Надписи мог сделать и киргиз, изучивший несторианское письмо. Вообще язык, за исключением некоторых слов, очень близок к диалектам древнеуйгурского, т. е. его можно считать языком караханидского времени.

На территории нашей республики широко распространены памятники и с арабской графикой. В основном они встречаются на порталах мавзолеев, на кайраках. И сейчас можно встретить на старых мусульманских кладбищах много надгробных эпитафий, написанных на кайраках.

Арабская письменность пришла в Среднюю Азию в VII в. с распространением ислама. Большого внимания заслуживают надписи на порталах узгенских мавзолеев и гумбеза Манаса.

Очень много кайраков в Наукатском ущелье, в Ошском краеведческом музее. Такие же эпитафии были зафиксированы еще в 1906 г. на севере с. Сазановки (ныне с. Ананьево), на левом берегу Чон-Аксуу, на древнем мусульманском кладбище. Кайраки с эпитафиями частично исследовались. При тщательном изучении более древние из них могут дать некоторый материал по языку. Кроме названных, еще имеются многочисленные большие и малые надписи в разных районах республики, например, в Апшыр-Сае Наукатского, в Кыз-мазаре и Уч-капчале Узгенского района, в ущелье возле Кара-Балты и в других местах.

В процессе распространения той или иной системы письменности значительную роль играла религия. Так, на территории Киргизии с давних времен насаждалась буддийская религия. Ее представители оставили на скалах изображение Будды, много культовых сооружений, а также надписи религиозных формул вроде «Ом мане падме хум» — «Нет благодати выше лотоса», выполненных буквами тибетского алфавита. Такие памятники часто встречаются в Тонском районе, есть на трех камнях возле с. Чон-Сары-ой Иссык-Кульского района.

Надгробный кайрак
с мусульманской эпитафией
из г. Ош.

Почему хорошо известное нам село на южном берегу Иссык-Куля называется Тамгой? Протекающая рядом с селом речка также называется Тамгой. Это неспроста. Если вы пройдете по ущелью вверх по р. Тамге, то у старой тропинки увидите большой камень с тибетской надписью. Подобные надписи зафиксированы на другом камне, расположенном в нескольких стах метрах на запад. Тамга-таш означает в буквальном смысле камень с определенными знаками. Человеку, незнакомому с тибетской письменностью, издалека покажется, что это орнамент киргизского ширдака (войлочного ковра). Чтобы объяснить происхождение высеченных на камнях знаков, киргизами была даже придумана легенда, в которой говорится, что киргизский батыр Табылды, угнав много лошадей у калмыков, разрубил саблей этот камень на две части и на каждой записал их количество.

Если кто бывал на курорте Иссык-Ата, то он, безусловно, видел изображение Будды и надписи на огромном камне. Камень находится у подножия гор. Высота его примерно 4—5 м. Будда сидит как обычно скрестив ноги, с открытым правым плечом. В левой руке держит сосуд с цветком, в правой, опущенной, — еще что-то. Можно предполагать, что он сидит на троне из лотоса. Высота самого изображения 133 см, а ширина — 116.

В 1886 г. на заседании Восточного отделения археологического общества Н. Н. Веселовский заявил, что на почтовой станции в Коканде он услышал любопытное для археологов известие. У Пишпека,

Камень с тибетской надписью — «Тамга-Таш».

говорили ему, по направлению к Караколу, где бьют «горячие ключи Расант (Арашан)», на камнях есть надписи, которые никто не может прочесть. Желательно было бы проверить, есть ли что-нибудь общее между этим слухом и последними открытиями могильных надписей (он, видимо, имел в виду несторианские надписи.— Ч. Дж.) в той же местности. Кроме того, ему передали, что там же есть «ихняя Богородица», очень рельефно высеченная на камне, и что калмыки приезжают и мажут ее изображение маслом.

Рядом с изображением «богородицы» имеются тибетские надписи, которые пока плохо читаются. Этому мешает еще и то обстоятельство, что отдыхающие на камни наносят краской свои имена. Они, оставляя о себе «след в истории», и не подозревают, какой вред приносят, разрушая или портя древние памятники.

Подобные наскальные изображения Будды с тибетскими, калмыцкими письменами были осмотрены и хорошо срисованы в 1856 г. казахским ученым-просветителем Чоканом Валихановым на берегу р. Или, а 26 сентября 1897 г. эти же изображения и надписи сфотографировал Н. Н. Пантусов, а затем опубликовал специальную статью под названием «Тамгалы тас (урочище Капчагай Капальского уезда Балгагинской волости)» в записках Восточного отделения русского археологического общества за 1899 г.

Будь то наскальные изображения, каменные изваяния или мелкие надписи, все они должны быть под охраной, ибо из малого создается большое.

В. ГОРЯЧЕВА

**ДЕКОР В АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКАХ
СРЕДНЕВЕКОВОГО КИРГИЗСТАНА**

«...Еще род составляют мастера,
которые создают руками искусство...
Добро этого мира идет от них.
Как много удивительных вещей они
делают...»

*(Юсуф-хас-Хаджиб Баласагуни,
XI в.)*

Серые ленты дорог, то утопающие в расщелинах гор, то карабкающиеся ввысь, опоясали всю Киргизию. Вдоль дорог среди возделанных плантаций во всех направлениях пестреют красочные пятна киргизских мазаров, выжженные солнцем скалы и валуны с рисунками и древними письменами, покрытые зеленью и полевыми цветами развалины древних городов и селений. Сокрушительная сила времени не пощадила эти города, но некоторые из них сохранили до наших дней дыхание старины в неповторимых памятниках архитектуры.

Киргизы в недавнем своем прошлом — кочевой народ, и тем ценнее для нас являются исторические памятники, говорящие об оседлости предков киргизского народа. Они не поражают своей грандиозностью, но ярко демонстрируют самобытность народного творчества, художественные традиции, идущие из глубины веков. Тесно связанные историческими судьбами с другими народами Средней Азии, народы древнего Киргизстана внесли свой вклад в многовековой процесс развития мировой культуры и искусства.

Наземных архитектурных памятников сохранилось мало. Это в основном культовые сооружения, построенные из прочного и долговечного материала. Они менее, чем жилые и общественные постройки, подвергались разрушению и разграблению во время набегов кочевников и частых войн, так как на протяжении веков были предметом суеверного страха и почитания.

Памятников же древней жилой архитектуры сохранилось еще меньше, а многие холмы — бывшие замки феодалов — теперь распаханы под поля. Лишь часть памятников гражданской архитектуры ждет своего открытия и изучения. Поэтому даже отдельные фрагменты архитектурного декора — куски алебастровой штукатурки с резным орнаментом (штук или резной ганч), росписи, поливные (глазурованные) или фигурные жженные кирпичики, куски резной терракоты (орнаментальная резьба по сырой глине, затем обжигаемой), которые мы находим в процессе раскопок или в качестве подъёмного материала с городищ и поселений, — следует охранять и изучать.

Корни архитектурного декора племен и народов, населявших некогда территорию современной Киргизии, уходят в языческие времена, когда человек в своем воображении наделял природу сверхъестественной силой. То, что сейчас нам кажется просто украшением, имело в далеком прошлом глубокий символический смысл. Если в архитектуре древности и раннего средневековья преобладающую роль играла тематическая живопись и скульптура как составная часть архитектурного произведения, то с распространением ислама в Киргизии намечается развитие орнаментального искусства, которое в XI—XIII вв. исключило из обихода, как на всем Среднем и Ближнем Востоке, скульптуру и монументальную живопись.

* * *

X—XIII века — замечательная века в истории среднеазиатских народов. Это время отмечено могучим расцветом культуры, науки, искусства на всем средневековом Востоке и дало миру великих ученых, зодчих, писателей, таких как медик и философ Абу-Али ибн Сина (Авиценна), астроном, географ и историк Бируни, поэт и математик Омар Хайям, писатели и поэты Рудаки, Фирдоуси, Насири Хосров, Бейхаки и др.

В конце X в. в Семиречье, Таласе и Сайраме утверждается новая тюркская династия Караханидов, распространившая вскоре свою власть и на остальные районы Средней Азии. «Тюркизация основных масс населения Мавераннахра в этот период была явлением не временным и преходящим, она имела важные последствия для культуры народов Средней Азии и других стран Среднего и Ближнего Востока. Силы феодализма повсеместно крепили, и городская жизнь вскоре получила новые стимулы развития. Тюркская знать включилась в дела налогового управления и коммерции, став могучей социальной силой нового правопорядка» (Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. История искусств Узбекистана. М., 1965, стр. 182).

Связи Караханидского государства с другими странами мусульманского Востока укрепляются. Торговцы, ремесленники, ученые, географы и путешественники прибывают на территорию Киргизии из многих областей Халифата. Арабские и персидские авторы X—XII вв. в своих сочинениях перечисляют крупные города средневекового Киргизстана, стоявшие на международной торговой трассе, соединявшей Запад и Восток, такие как Баласагун, Суяб, Барсхан, Сарыг, Ош, Узген и множество других городов и селений. Во многих из них было развито ремесленное, гончарное, металлургическое производство. Эти города были средоточием культуры. В Баласагуне, например, создает свое

литературное произведение — дидактическую тюркоязычную поэму, включающую более 6600 двустиший, «Кутадгу Билиг» — Юсуф-Хас-Хаджиб.

Развитие феодализма и крупные изменения политического и культурно-идеологического характера, происшедшие на протяжении X—XIII вв., отразились и на искусстве, которое достигает расцвета главным образом в архитектуре. Видное место начинают занимать сооружения, связанные с исламом: мечети, минареты, мавзолеи, медресе (духовные учебные заведения), ханаки (странноприимные дома). Строятся дворцы, бани, караван-сарай и т. д. Все эти постройки богато украшались. Монументальная архитектура выступала как наиболее наглядное и убедительное средство пропаганды мощи феодалов.

Мусульманское духовенство прекрасно понимало и учитывало, как эмоционально воздействуют на верующих великолепные постройки, поэтому затрачивались огромные средства и приглашались искуснейшие мастера для их возведения, хотя к этому времени появились местные архитектурные школы и строительные ремесленные цеха.

Наземные архитектурные памятники Киргизии и памятники, открытые археологами в процессе раскопок, дают нам прекрасные образцы разнообразного архитектурного декора. Сюда можно отнести роспись и резьбу по ганчу, глине, камню, дереву, кладку из фигурных и поливных кирпичиков. Такое разнообразие видов художественного оформления сооружений было обусловлено местными историческими условиями, природно-географической средой и наличием необходимых сырьевых материалов.

Вырастая на местной основе, архитектура Киргизии развивалась своеобразно, хотя несомненно она была связана с общеархитектурными течениями сопредельных стран.

Исследователями отмечено, что север и юг Киргизии дают нам несколько отличные друг от друга образцы архитектурно-декоративного убранства построек. Очевидно, здесь мы имеем разные школы, свои ремесленные цеха и системы ученичества. Если памятники юга Киргизии тяготеют к Мавераннахрской архитектурной школе, то «в Джетысу (Семиречье) в домонгольское время уже складывалась своя, Северо-Туркестанская архитектурная школа, памятниками которой являются резные каменные колонны разрушившихся построек X—XII вв. в городище Таласской долины и гумбес Манаса (XIV в.)» (Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Гумбес Манаса. М., 1950, стр. 27).

Особенностью архитектуры Киргизстана эпохи феодализма является стремление зодчих к органической связи конструкции с убранством и к выполнению его простыми средствами, по преимуществу из того же материала, из какого возведена постройка.

Таким строительным материалом в Киргизии, как и во всей Средней Азии, служили лессовая глина и ганч. Из глины возводились стены жилых построек и дворцов правителей, мечетей, медресе, караван-сараяв и мавзолеев, она являлась связующим и облицовочным материалом. Примером возведения стен из битой глины (пахсы), сырцового кирпича с применением жженого является жилая архитектура сельских усадеб и домов. Лишь некоторые культовые и общественные постройки целиком строились из жженого кирпича. Наряду с глиной связующим раствором служил алебастр, который успешно применялся и в декоративном оформлении.

Часто мастера оживляли гладь фасадной стены дома кладкой кирпича на ребро, создавая определенный рисунок. Так зародилась система фигурной кладки, перенесенная затем на жженный кирпич. Этот прием становится излюбленным и ведущим при возведении и украшении культовых построек Киргизии.

Фигурная кладка кирпича конструктивно связывалась с черным телом стены и давала возможность выработать новую технику декорации стен путем введения линейного геометрического орнамента.

Этот кирпич и стал естественным модулем сооружений, и фигурная кирпичная кладка была наиболее излюбленным способом декорации монументальных сооружений средневекового Киргизстана.

Располагая кирпичи вертикально, плашмя, или выдвигая их из общей кладки стен в различных сочетаниях со специально подтесанными фигурными кирпичиками, мастера достигали разнообразных орнаментальных и светотеневых эффектов, пластичности и живописности. Образцы такой кладки дают нам минареты XI в. — так называемая «Башня Бурана» и Узгенский. Цилиндрическое тело минаретов состоит из нескольких горизонтальных поясов, каждый из которых дает свой орнаментальный рисунок.

Вскоре мастера усовершенствовали технику фигурной кладки и стали применять систему наружной облицовки. Примеры такой кладки дают Средний (1112—1113 гг.) и Северный (1152—1153 гг.) Узгенские мавзолеи.

Кирпичная кладка была настолько популярна, что и в ганчевой штукатурке, покрывающей внутренние стены Среднего Узгенского мавзолея, дается ее имитация.

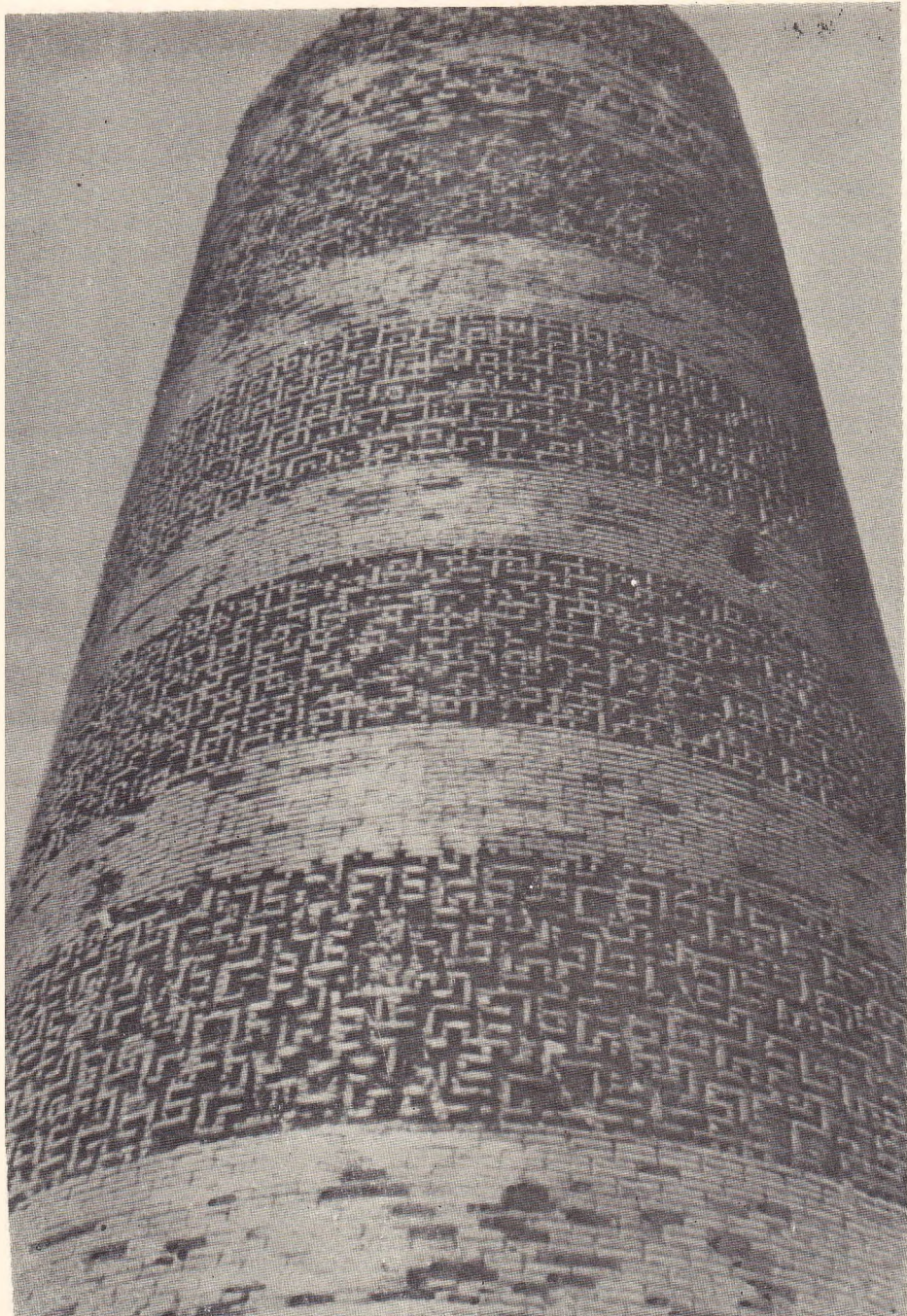
Помимо обычного строительного кирпича начинают широко применяться резные фигурные кирпичики в виде «бантиков», квадратов, треугольников, завитков и т. д. Сочетаясь с фигурной кладкой кирпича, они вносили новое звучание в оформление стены.

В декоративной отделке зданий того времени большое место занимает алебастр. Он употреблялся в качестве штукатурки, на которую наносились росписи или резьба.

Росписи, как правило, делались внутри зданий. К сожалению, они доходят до нас только в виде фрагментов, поэтому не всегда можно восстановить характер узора и приемы размещения росписи. При раскопках часто встречаются куски штукатурки, в которой сочетаются роспись и резьба. Росписи были многоцветными, с разнообразными растительными и геометрическими мотивами. Мастера использовали для украшения зданий минеральные краски, разведенные в воде с добавлением клеящих веществ.

Никакая иная область архитектурного декора не стояла так близко к народному ремеслу, как резьба по ганчу, — общедоступная по затратам на материалы, не очень трудоемкая по исполнению, впечатляющая по эффекту. Резьба по алебастровой штукатурке применялась в оформлении интерьеров помещений и фасадов культовых построек. Она выступала самостоятельно или сочеталась с росписями и кирпичной кладкой.

Резной штук некоторых жилых построек Краснореченского городища и особенно мавзолея Шах-Фазиль в селении Мазар Джанги-Джольского района дает нам изумительный пример художественного гения средневекового мастера. Резьба выполнялась в высоком рельефе, что создавало при ярком солнечном освещении удивительно тонкую

Фигурная кладка кирпича в минарете XI в. — «Башне Бурана» (Чуйский район).

и живописную игру светотени. Часто резной штук имитировал кладку кирпича и подкрашивался в соответствующий цвет. По технике исполнения резной штук киргизских памятников разнообразен. То это глубокая трехслойная резьба с выделением основного рисунка и надписей в сочетании с мелким растительным орнаментом, то тонкая, изящная резьба, напоминающая гравировку по металлу.

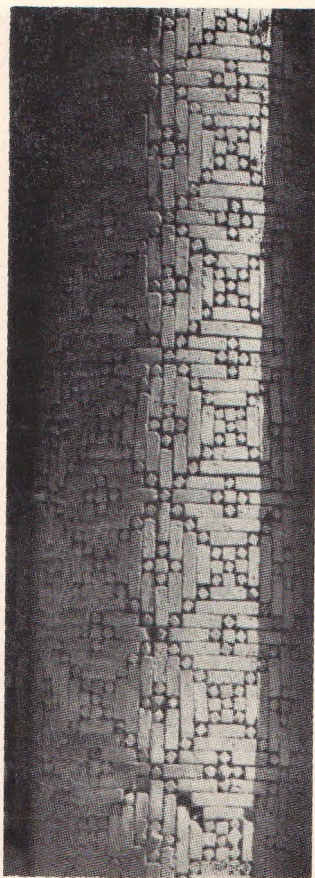
Украшая здание, мастер поверх глиняной или алебастровой штукатурки накладывал слой непросохшего алебастра, который быстро и решительно резал, придавая поверхности кружевную ажурность. Иногда из алебастра лепили керамическую или кирпичную решетку, а резьбу выполняли уже на месте. Например, на Узгенском минарете и в портале Северного мавзолея орнаментальная резьба по алебастру заключена в кирпичные обрамления, образующие различные геометрические фигуры. Но вскоре мастера перестали вводить ганч в наружные облицовки, так как он быстро портился от дождей и ветров. Резной штук стал излюбленным приемом отделки интерьеров помещений, а на фасадах его с успехом заменила терракота.

Известные в древности приемы резьбы по высушенной глине с последующим ее обжигом (приемы изготовления посуды, столиков-доставханов и т. д.) послужили основой для применения резной терракоты в архитектуре и подготовили почву для расцвета этого вида декоративного искусства.

Резная терракота сохранила пластическую гибкость орнамента и глубину резьбы, как в алебастре, и вместе с тем была материалом столь же прочным, как кирпич. Долгое время они сосуществуют и дают одни и те же мотивы орнамента и характер резьбы, иллюстрируя тем самым, что общие художественные вкусы выражались в сходных орнаментальных мотивах независимо от материала, с которым приходилось работать мастерам.

Почти повсеместно в Киргизии в XII—XIV вв. в оформлении архитектурных сооружений входит резная терракота. Она хорошо сочетается с фигурной кладкой кирпича и резьбой по алебастру, а затем успешно заменяет в культовых постройках ганч, как это сделано в Южном Узгенском мавзолее (1186—1187 гг.) и мавзолее Кянизек-Хатун (Гумбес Манаса) XIV в.

Орнаментальные мотивы в архитектурном убранстве как в росписи, так и в резьбе по ганчу и терракоте мы встречаем самые разнообразные. Например, в сюжете резьбы иногда встречаются три элемента: геометрический, стилизованно-растительный и зооморфный.

Фигурная кладка
в Южном Узгенском
мавзолее.

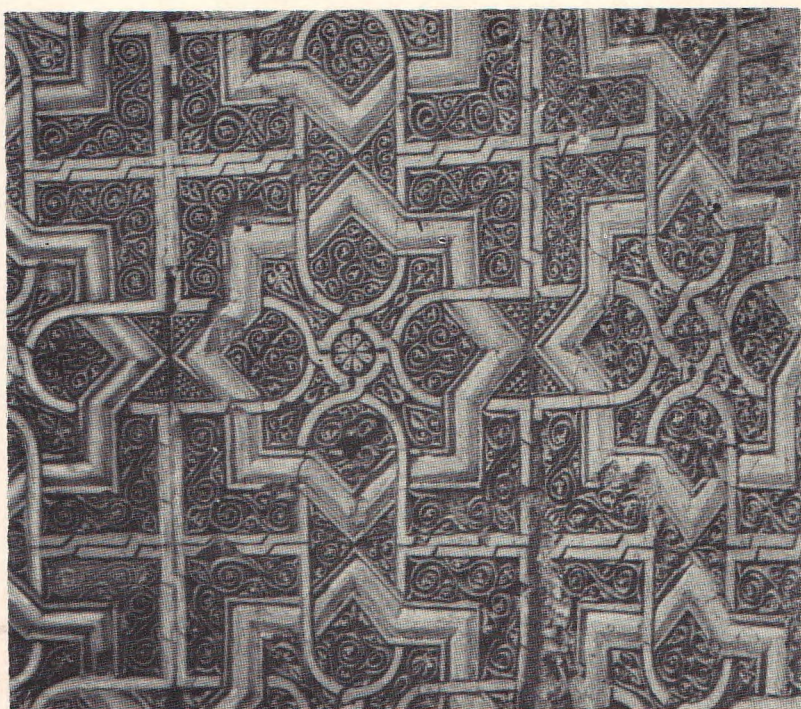

Резной ганч в интерьере мавзолея Шах-Фазиль.

Несмотря на то, что религиозные запреты ислама основательно сократили возможность развития изобразительных форм искусства, местные мастера иногда включали изображения живых существ в орнаментацию посуды и даже в архитектурный декор.

Очень интересна в этом отношении керамическая плита с рельефным изображением льва, найденная в одном из раскопанных домов на Краснореченском городище. Стены другого дома горожанина были украшены резьбой по ганчу в виде стилизованных фантастических животных.

Очень распространены были геометрический и растительный орнаменты, известные еще в более древние времена. Создавались и но-

Резной ганч в сочетании с терракотой на портале
Северного Узгенского мавзолея.

вые орнаментальные мотивы. Ведущее место среди них занимают «герихи» — сложные геометрические узоры, требующие от мастера знания геометрии. Растительно-цветочные мотивы также начинают подчиняться линейным построениям и в своей трактовке теряют связь с реальным растительным миром. Излюбленным растительным узором становится цветущий побег — «ислими», вводится эпиграфический (буквенный) орнамент. Широкие пояса надписей, исполненные почерком «куфи», «насх» и «дивани» с заполняющим пустоты растительным орнаментом, украшают порталы и интерьеры мавзолеев. Внедрение эпиграфики в художественное оформление построек средневекового Киргизстана было целиком связано с влиянием ислама.

Переписать текст из корана всегда считалось добрым делом для мусульманина, но в памятниках Киргизии ведущее место занимают не религиозные тексты, а надписи светского характера. В них заключались сведения о лице, в честь которого воздвигалось это сооружение, дата постройки, но имени своего мастер не проставлял.

Каллиграфически выписанные надписи на декоративной облицовке мавзолеев Киргизстана переплетаются с пышным растительным орнаментом. Художник видит в этих надписях живость, яркость, но никак не религиозный мистицизм.

Весь декор архитектурных сооружений Киргизстана строился на эффекте светотени. Главенствующее положение занимают надписи, исполненные в высоком рельефе на фоне геометрических линий общей орнаментальной композиции. Пустоты надписей и геометрических

фигур заполнены мелким растительным узором, придавая легкую ажурность всей декоративной канвы.

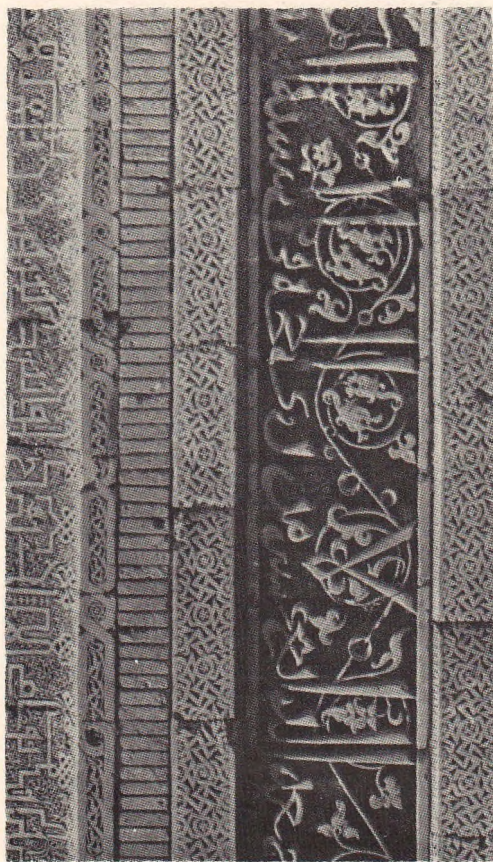
Стремление к узорному убранству пронизало быт всех слоев общества — от местных правителей и знатных горожан до ремесленников и земледельцев. В раскопанных домах древних городов Киргизии в оформлении комнат великолепно сочетались резные штукатурные панели с росписью стен и резьбой по глине фриза. В нишах стояла дорогая посуда.

Средневековые мастера понимали, что угасающий дневной свет или колеблющееся от малейшего дуновения пламя чирагов (светильников) и свечей заставляет играть красками и светотенью богато отделанные стены. Все это существенно меняло вид интерьеров, увеличивало колористическую насыщенность его внутреннего убранства.

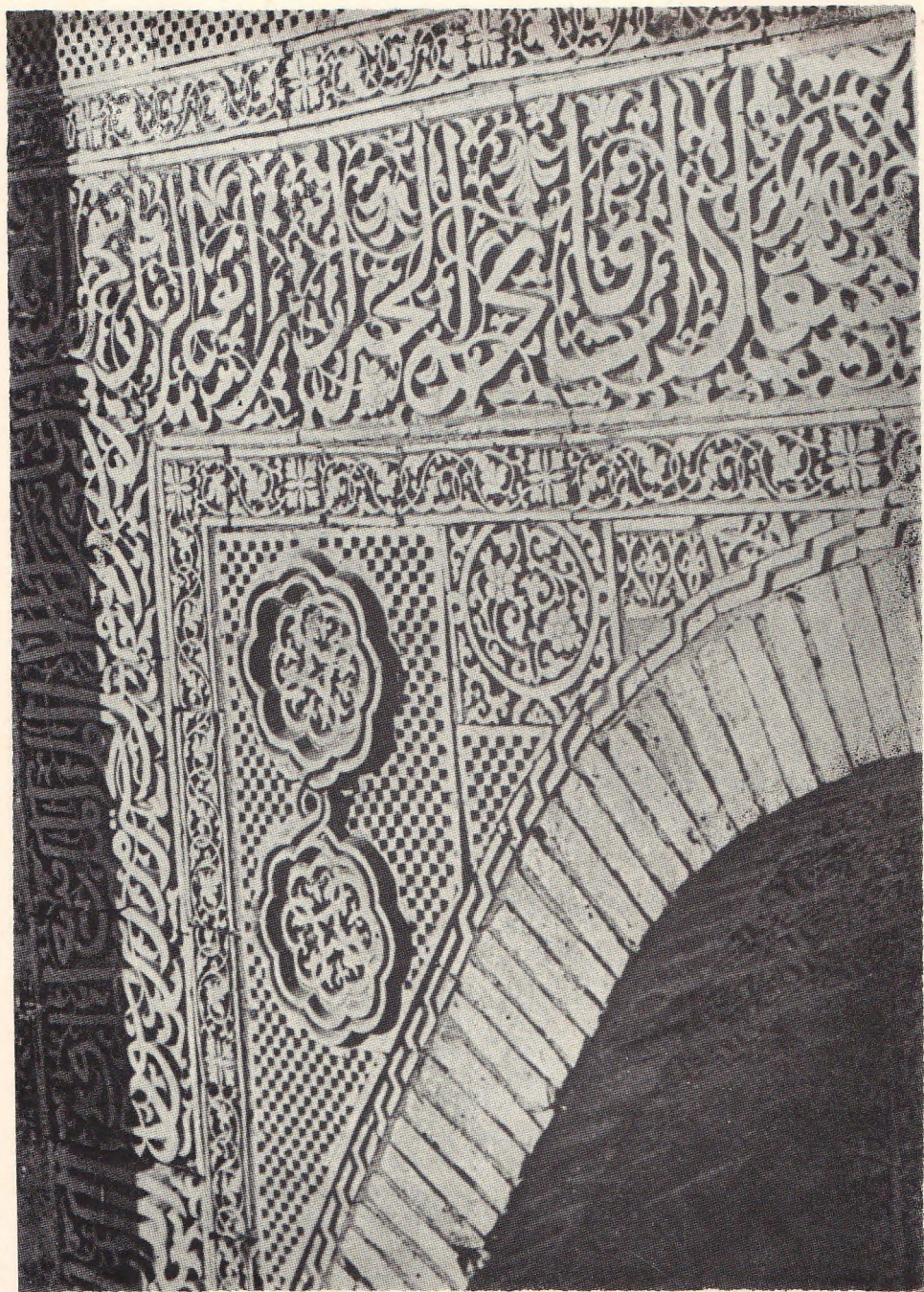
Для искусства Киргизстана, так же как и для некоторых областей Средней Азии, орнаментация поверхности стен была привычной, потому что с незапамятных времен кочевники пользовались тканями с ковровыми узорами для украшения своего подвижного жилища — юрты. Привычка видеть ковровые орнаменты на стенах и покрытиях юрты помогла перенести эти мотивы на глиняные и кирпичные стены монументальных сооружений. Вполне вероятно, что именно на глинобитных стенах древних сооружений и получил свое начало стенной архитектурный орнамент (Б. Н. Бакланов, Герих, Советская археология, IX, 1947, стр. 101—107).

Архитектурный орнамент имеет много общего с мотивами современной ему керамики и узорами тканей, подчеркивая тем самым близость прикладного и монументально-декоративного искусства. Аналогичность орнаментального искусства в керамике, росписи, резном ганче и терракоте дает возможность говорить о единстве художественной культуры средневекового Киргизстана в целом. В то же время нельзя не отметить, что художественные приемы оформления архитектурных сооружений средневековья несомненно возникли на основе художественных традиций, уходящих своими корнями в древний период истории Киргизстана.

С XII—начала XIII вв. в декоративное оформление по-

Резная терракота на портале Южного Узгенского мавзолея.

Резная терракота на портале «Гумбеза Манаса».

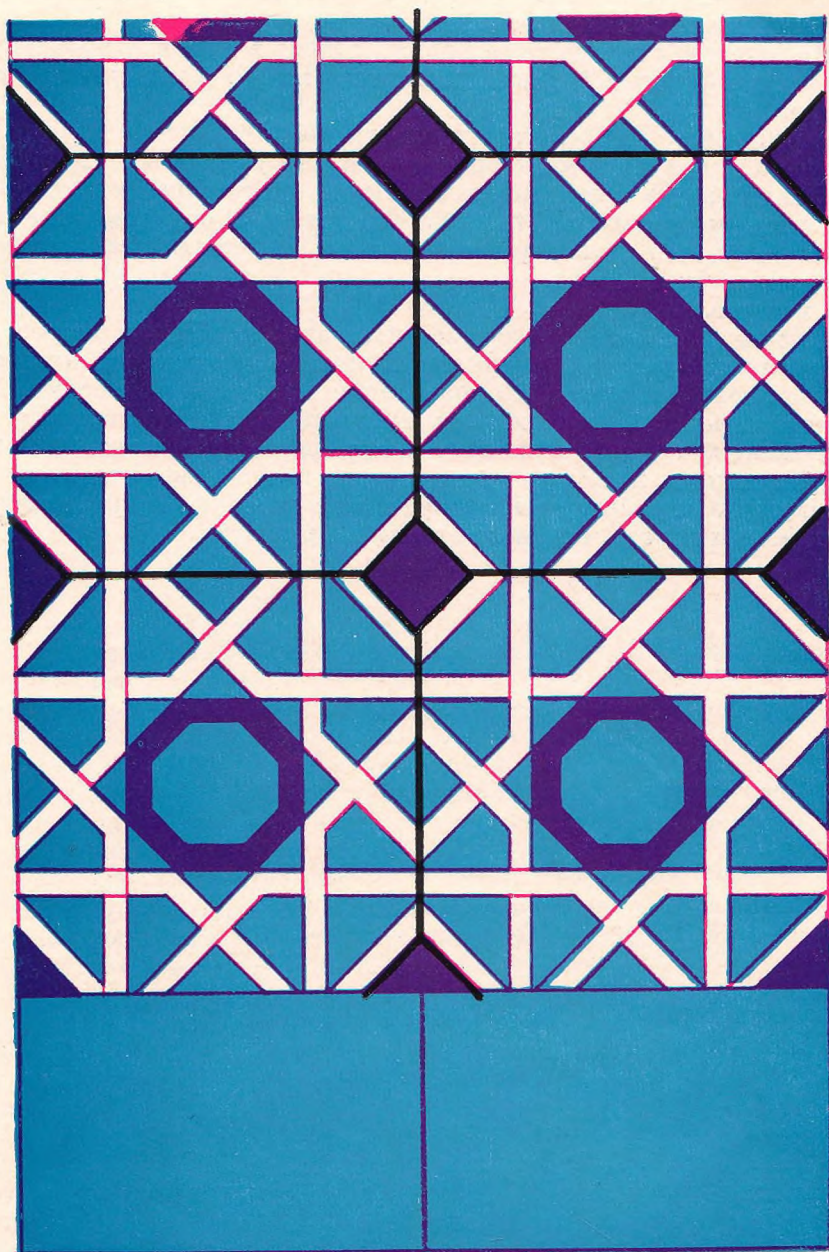
Деталь резьбы
на колонне
Южного Узгенско-
го мавзолея.

мещений входят цветные поливные кирпичи. Естественно, что, перенося ковровые узоры с текстиля на кирпичные стены, мастер не мог быть вполне удовлетворен только одними линиями узора. Для его выразительности не хватало цветной гаммы.

Поливной кирпич давал возможность ввести разнообразные цвета в узоры и вместе с тем являлся более прочным материалом, чем глина и алебастр. В одном из дворцовых комплексов на городище у с. Садовое было вскрыто помещение с «паркетной» выкладкой полов из наборных поливных кирпичей бирюзово-зеленого и белого цветов.

Все эти приемы архитектурного декора как бы суммируют достижения средневековых мастеров. Десятки и сотни мотивов орнамента эстетически прочувствованы и тщательно продуманы в своей компоновке.

После монгольского завоевания наблюдается общий упадок культуры, прекращают существование многие города Северной Киргизии. «Я берусь описать самую ужасающую катастрофу и величайшее бедствие, подобно которому не видали ни день, ни ночь на земле, и которые разразились над всеми народами, но в особенности мусульманскими,— писал историк Ибн-ал-Асир.— Боже, твоя воля! Боже, твоя

Вымостка пола из дворцового комплекса XIII—XIV вв. у с. Садовое
(Московский район).

воля! Как летящие искры, воспламеняющие всюду злой пожар, как дождевая туча, нагоняемая ветром, вышел от пределов Китая этакий до тех пор неведомый народец и устремился в области Туркестана, каковы Кашгар, Баласагун, оттуда в области за Аму-Дарью... Ни одного города татары не щадили, уходя — разрушали все, возле чего прохо-

дили — грабили, что им было негодно — сжигали... Уши человеческие еще не слыхивали ничего подобного...»

Но городская жизнь не замирает, и лишь в XVI в. Мирза Хайдар говорит о городах Северной Киргизии как о развалинах былых центров.

В результате нашествия и последующего господства монгольской феодальной верхушки на территории Киргизстана были разрушены города и перестала существовать оседлоземледельческая культура.

Но искусство живет. И сейчас живы традиции средневековой архитектуры, есть хранитель древней культуры национального жилища — *усто* — строитель и живописец — орнаменталист, резчик по дереву, ганчу и глине.

Сегодня, глядя на красочные сплетения киргизских узоров, уверенно появляющиеся под руками резчиков по дереву или вышивальщиц, невольно испытываешь очарование истинного искусства. Опыт многих поколений сказывается в этом мастерстве, составившем яркую и самобытную область киргизского народного творчества. Оно идет из глубин веков и, как фольклор, народные песни и сказания, прикладное искусство служит нам неисчерпаемым источником для изучения быта и жизни народа, его эмоционального развития.

М. СУШАНЛО

ПАМЯТНИК
ДУНГАНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

(о дунганской мечети в г. Пржевальске)¹

Дунганские мастера-строители бережно хранят многовековые национальные традиции строительной техники, и поэтому в архитектуре многих домов дунганских селений сохранились ярко выраженные национальные мотивы.

Прекрасным памятником дунганской архитектуры на территории Киргизии является мечеть в г. Пржевальске. Это великолепное здание, поражающее красотой оформления, восходит к образцам культового зодчества дунган.

Строители мечети воплотили в своей работе все лучшие черты архитектурного традиционного дунганского стиля культовых построек. Вот почему мечеть занимает достойное место среди памятников архитектуры нашего века Средней Азии и Казахстана.

Пржевальская мечеть была построена на средства дунганской общины. Строители во главе с мастером «Жын Жёнжын» — Чжоу Сы в 1907 г. приступили к заготовке материалов. Основным строительным материалом служили тьянь-шаньская ель и местный тополь.

По информации дунганских старожил, в подготовке материалов участвовало более 30 мастеров-резчиков по дереву, каменщики, а также мастера-кровельщики. Одни делали специальные врубки и пазы в каркасных столбах, другие украшали фасадную часть мечети красивой резьбой, а третьи обтесывали камни для фундамента и под основания деревянных столбов-опор. Подготовительная работа длилась около трех лет.

¹ В 1967 г. в Москве была издана карта под названием «Туристическая схема озера Иссык-Куль». Текст к этой схеме подготовил Б. Р. Маречек, который на 8-й странице допустил большую неточность, назвав Пржевальскую дунганскую мечеть буддийской пагодой.

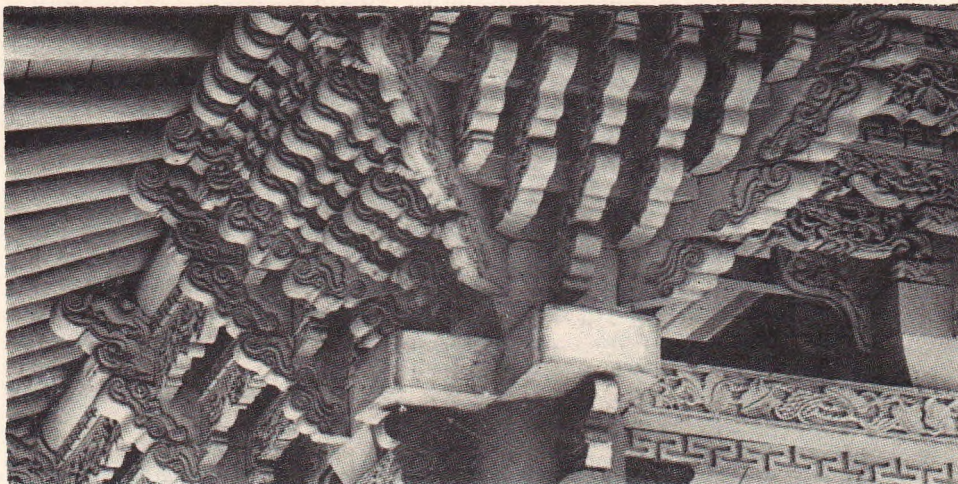
В 1910 г. мастера начали сборку мечети, закончив ее к концу года. При сборке мечети мастера применили многоярусную ступенчатость карниза — «доугун», передающую нагрузку от большого свеса крыши на колонны. Доугун — один из самых характерных конструктивных и вместе с тем декоративных элементов дунганской архитектуры. Другим характернейшим элементом дунганского строительного искусства является изогнутая крыша. Такая форма целесообразна там, где часто идут дожди. Благодаря изогнутости крыши вода дальше отбрасывается от деревянных стен здания.

Строго регламентировались размер конструкции и внешнее оформление мечети.

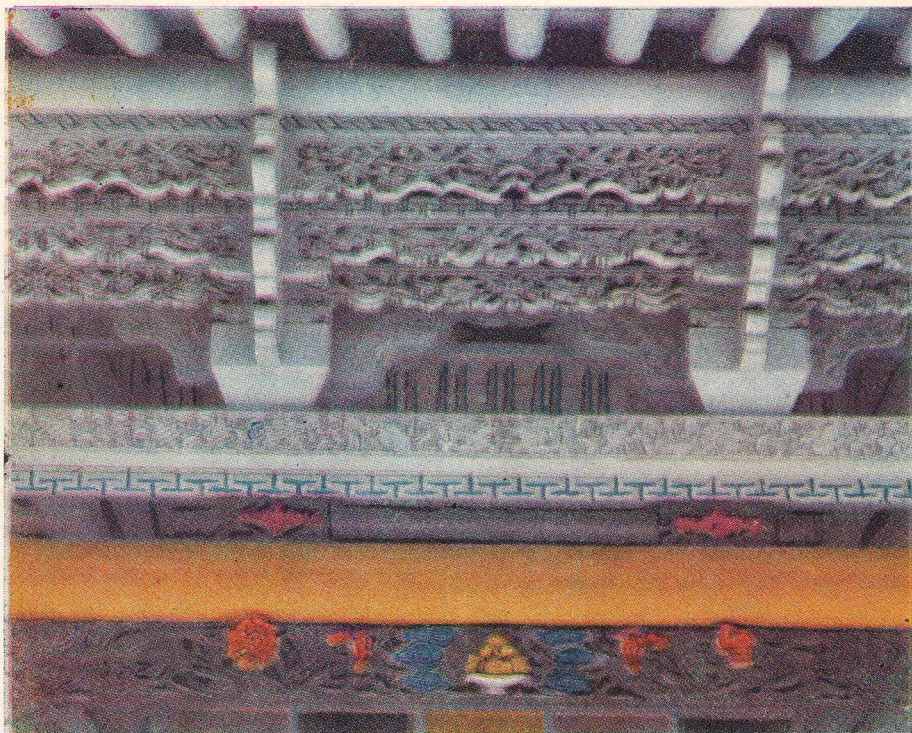
Пржевальская мечеть имеет традиционную дунганскую архитектурную планировку в виде прямоугольника или квадрата с двумя рядами колонн в восточной и западной частях здания. В отличие от культовых построек китайцев в дунганской мечети вход бывает только с восточной стороны. Окна же могут располагаться как на северной, так и на южной сторонах. Западная стена обычно глухая.

Мечеть имеет 42 столба-опоры, расположенные в два ряда. Восточная и западная части имеют 20 столбов, а северная и южная — 22. Столбы-опоры стоят на специальных обтесанных круглых камнях. Каждый столб упирается в карниз и держит определенный ярус ступенчатого карниза, красочно оформленный мастерами-резчиками по дереву. Для этого они использовали сюжеты и предания народной мифологии и сказок. Несмотря на запрет мусульманской религии изображать людей и животных, дунганские мастера на карнизах вырезали фантастических чудовищ-драконов. По древним верованиям, украшения в виде драконов, фениксов, львов и других животных должны были оберегать здание от стихийных бедствий и злых духов.

Резьба по дереву — один из древнейших видов прикладного искусства, в котором особенно ярко выступает тонкое понимание и знание явлений природы, богатство фантазии и высокая техника мастеров-резчиков. Искусство резьбы по дереву у дунганского народа имеет богатые традиции.

Дунганская мечеть в г. Пржевальске. Деталь резьбы по дереву.

Дунганская мечеть в г. Пржевальске. Деталь резьбы по дереву.

Резные изделия из дерева могут служить украшением при оформлении архитектурных сооружений и домашней утвари. Дунганские мастера используют для этого многие породы деревьев: тополь, сандал, алычу, бамбук и корень березы. Образы и сюжеты обычно берутся из народной мифологии, легенд и сказок.

Пржевальская мечеть интересна не только своей изумительной резьбой на карнизной части деревянной конструкции, но и архитектурным замыслом. Несмотря на кажущуюся сложность, она легко монтируется, так как строители использовали систему врубок и пазов, что позволило им обойтись без гвоздей и металлических крепов.

По первоначальному плану крышу мечети должны были покрыть глазурованной черепицей зеленого цвета, но маслосмесь получить мастерам не удалось и пришлось использовать железо. В кровле мечети дунганские мастера использовали методы и технологию русских мастеров.

Окраска здания, материал и цвет кровли в дунганской архитектуре строго регламентировались. Согласно правилам строительства таких культовых построек, как мечети, каждая часть здания должна иметь окраску определенного цвета. Этому правила придерживались дунганские мастера и при строительстве Пржевальской мечети. Все ее деревянные части и колонны были окрашены в красный цвет, стены — в пурпурный, а крыша — в зеленый, причем резные конструкции — в два цвета. Растительные узоры (виноград, гранаты, груши и

персики) в зеленый, а мифологические животные (драконы, фениксы) — в желтый.

По народной мифологии каждый цвет имеет определенное значение. Например, красный цвет должен оберегать здание от посещения злых духов и другой нечисти, желтый цвет приносит богатство и величие, а зеленый — благополучие и счастье. Традиция символики сильно развита у дунган, особенно в прикладном искусстве (вышивка, вырезка из бумаги и резьба по дереву). Мастера применяли ее при строительстве мечети и многих домов дунган Семиреченской области.

После сооружения Пржевальской мечети дунганские мастера-строители во главе с Чжоу Сы приняли приглашение дунганской общины селения Ирдык для сооружения там подобного же здания. В 1911 г. они приступили к заготовке материалов. В начале 1916 г. Ирдыкская мечеть была собрана, однако ее сожгли царские карательные отряды во время подавления национального-освободительного движения 1916 г. От Ирдыкской мечети остались только каменные плиты-опоры для деревянных столбов.

Сохранившаяся до наших дней мечеть в городе Пржевальске является замечательным памятником национальной архитектуры и представляет собой образец дунганского метода строительной техники.

К. АНТИПИНА

ЮРТА — ЦЕННЫЙ ПАМЯТНИК КУЛЬТУРЫ КИРГИЗСКОГО НАРОДА

Юрта — древнее, веками усовершенствованное жилище кочевника. В прошлом, вплоть до перехода на прочную оседлость, юрта была основным жилищем киргизского народа. С ней он кочевал по обширным горным пастбищам, в ней зимовал в суровых условиях горного климата. Кочевники вложили большой коллективный труд, чтобы создать удобное для перекочевки жилище.

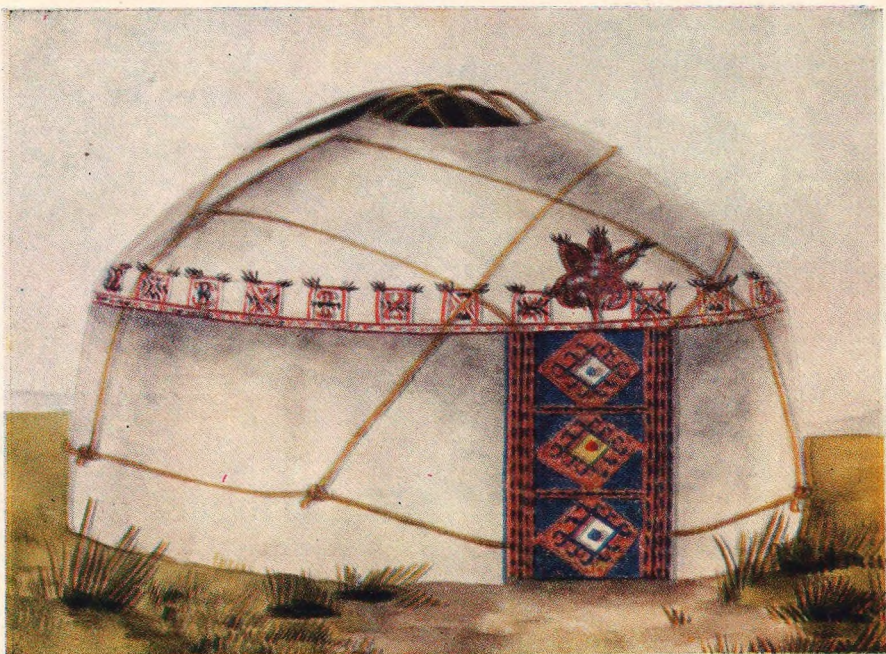
Вся деревянная конструкция юрты легко разбирается на отдельные составные части, удобные для транспортировки, и быстро компактно собирается.

При установке юрты прежде всего собирается дверная рама, на нее навешивается двустворчатая дверь, затем растягиваются по кругу решетчатые раздвижные стены, состоящие из отдельных звеньев. Они и определяют величину юрты. Малая юрта составляется из 4 звеньев, средняя — из 5—6, большая — из 8—12. С внешней стороны стены закрываются циновкой, сделанной из стеблей растения — *чия*. Она позволяет проветривать жилище, предохраняя в то же время от ветра и пыли. Диаметр окружности средней юрты равен примерно 5 м, высота же колеблется в пределах 3—3,5 м.

Сферическую крышу юрты составляют отточенные и гнутые с одного края жерди. Одним концом, где имеется изгиб, они прикрепляются к верху стеной основы, другим — упираются в отверстие обода.

Киргизские мастера по изготовлению деревянного остова юрты — настоящие народные архитекторы. Они прекрасно освоили форму юрты, степень сгиба жердей, соотношение, взаимозависимость всех составных частей, систему их крепления. Многие из мастеров передают свои знания из поколения в поколение.

Надо сказать, что юрта киргизского производства пользовалась большой популярностью. Ее приобретали и соседние народы: узбеки, таджики, турки.

Киргизская юрта.

Делают юрту обычно из ивы. Лишь для поделки массивного обода, венчающего юрту и представляющего собой дымовое отверстие, употребляются более плотные породы деревьев. Покрывается юрта разной формы войлоками, хорошо облегчающими остов. По существу войлок — неотъемлемая составная часть юрты, ее покров, убранство. Заменитель войлока пока еще не найден. Попытки построить синтетическую юрту не имели успеха.

Как и сам остов юрты, войлоки скрепляются узкими ткаными полосами и шнурами. При этом покров обода подвижен, и дымовое отверстие с помощью арканов свободно закрывается и раскрывается. Дверной проем завешивается войлочной или тканой орнаментированной занавесью. Юрта устанавливается примерно в течение часа.

Естественно, что с оседанием, а также с образованием колхозов и усовершенствованием социалистического хозяйства нужда в кочевом жилище у киргизов отпала. Юрта перестала быть объектом особого внимания, так как появились благоустроенные жилища постоянного типа.

Правда, окончательно юрта не вышла из употребления. Ею до сих пор пользуются чабаны и табунщики, зимующие на высокогорье. Многие пожилые люди, особенно те, кто с детства был связан с кочевьем, на летнее время при малейшей возможности выезжают с детьми на джайлоо и живут там в юрте. Некоторые колхозники на лето и осень ставят юрты на своих усадьбах вблизи дома. В них они отдыхают, принимают гостей.

Большую роль сыграла юрта в культурно-просветительной работе среди населения горных местностей, где она была центром просвеще-

Киргизская юрта.

ния — красным уголком, библиотекой, клубом. Как постоянное жилище юрта, естественно, не вернется уже в народный быт киргизов. Да и в современном отгонном животноводстве она не вечна.

Киргизская юрта отличается от юрт других народов главным образом внешним и внутренним убранством. В ней сконцентрированы художественные сокровища, творцом которых является сам народ. Поэтому юрта — ценнейший источник для познания прошлого народа, его истории, культуры, вековых народных традиций, ценных по своим эстетическим достоинствам. Юрта отражает социальные, хозяйственные отношения, индивидуальный облик народа, его вкусы, характер, искусство. Архитекторы, художники, искусствоведы найдут в ней много ценного и поучительного, что с успехом может быть использовано в создании современных интерьеров жилищ.

Строгих старинных канонов в расселении членов семьи, в убранстве юрты, в соблюдении обычаев придерживаются и теперь. В назначении отдельных частей юрты, в размещении тех или иных предметов отмечается глубокая устойчивость. В середине юрты всегда устраивается очаг. Здесь готовят пищу. Справа от входа в юрту — женская половина. За орнаментированной ширмой хранятся продукты. На стенах и на полу размещаются предметы домашней утвари. Слева — мужская половина, в которой на стене, сразу у входа, развешиваются принадлежности конного снаряжения, охоты, скотоводческого хозяйства. С левой же стороны, несколько подальше, располагаются молодожены. Их отделяет красочная занавесь.

У стены, напротив входа в юрту, на сундуки, подставки стопкой складывали постельные принадлежности, войлоки, ковры, тюки

с одеждой. Это так называемый *джук*. Здесь сосредоточивалось все богатство кочевого обитателя, и по нему можно было судить о материальном достатке хозяина. На ночь джук разбирался и на полу устраивались постели.

С джуком связано характерное для киргизского народа гостеприимство и уважение к старшим. Для гостей отсюда извлекались лучшие узорные войлоки, ковры, подушки, одеяла, которые услужливо расстилались на почетном месте, — *тер*.

Внутреннее и внешнее убранство юрты всегда отражало классовую принадлежность владельца. Юрты богатых отличались размерами, добротными белыми войлочными покровами, нарядным убранством, большим количеством орнаментированных вещей. Богатые обычно имели не одну, а несколько юрт, предназначенных для различных надобностей: для приготовления пищи, для отдельных членов семьи, для гостей, новобрачных и др.

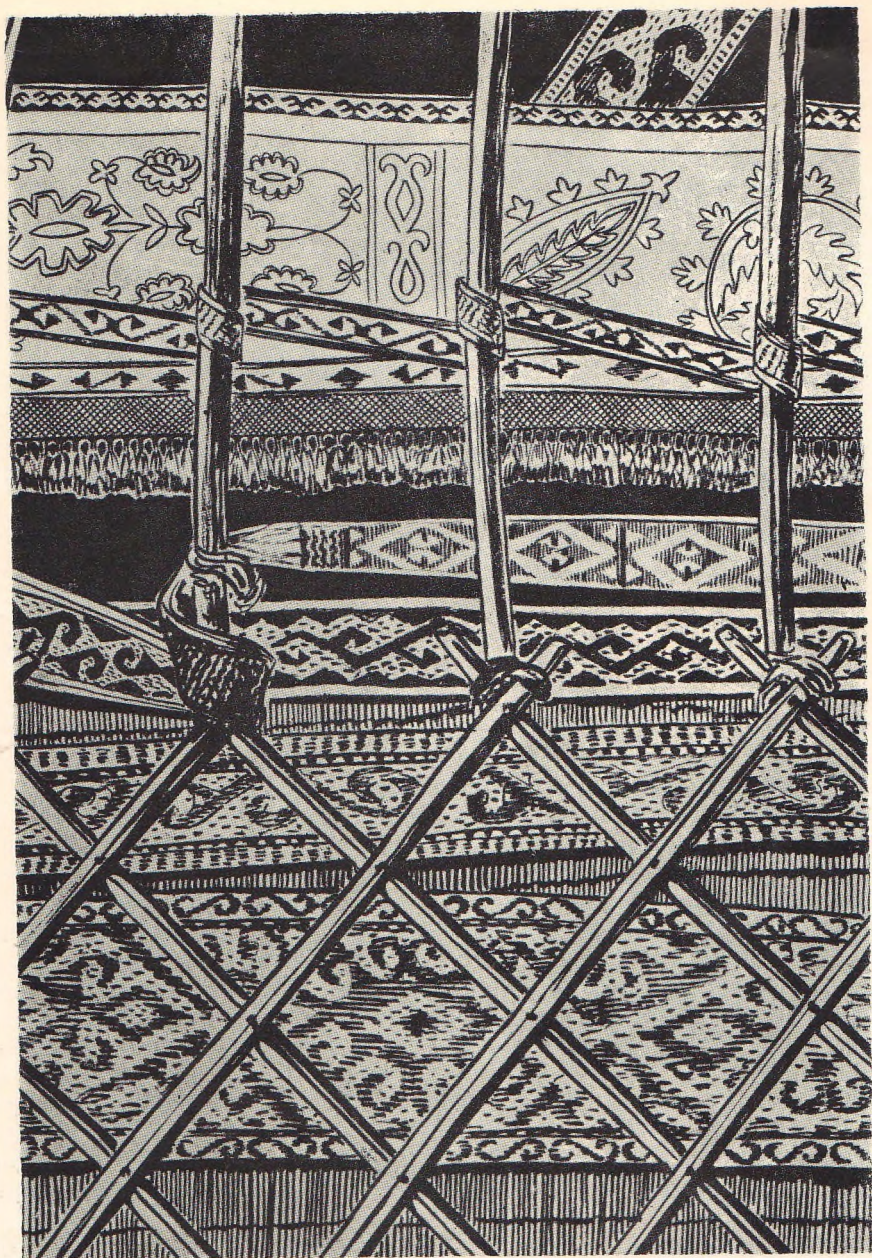
Внешнее убранство юрты киргизов имеет много локальных вариаций по украшению купола юрты, ее середины, двери.

В юрте родились и развивались все виды народного прикладного искусства на основе преемственности художественных традиций прошлого.

Когда-то, еще в кочевое время, в нелегких условиях натурального хозяйства, под тяжелым гнетом феодалов экономически и культурно отсталые, суеверные, поголовно неграмотные киргизские мастера своими заскорузлыми руками, применяя самую простую технику, создали образцы искусства большой выразительной силы, неувядаемого народного творчества. Развиваясь в обстановке специфических условий кочевого быта, народное искусство прошло длинный исторический путь сквозь толщу веков и выдержало испытание временем. Многовековые формы кочевого быта утвердили своеобразие искусства, выработали единый стиль. В быт кочевника глубоко проникли особый колорит, искусство узора, композиций. В наши дни киргизское народное творчество сохранило ряд ценнейших традиций, народную самобытность.

Интерьер юрты — пол, стены, купол — заполнен практически необходимыми в быту вещами. Ко всему приложено народное умение, стремление сделать каждую вещь по-своему красивой, привлекательной. Предметы бытовой обстановки юрты ярко характеризуют исконное стремление народа к художественному оформлению окружающих его вещей. Это — изделия из шерсти и войлока, разнообразные ткани, пестрые яркие ковры, вышивки, плетения, орнаментированные кожаные изделия в виде различного рода утвари, резьба по дереву (на дверях юрты, различных подставках, сундучках), украшение серебряными поделками частей юрты и некоторой домашней утвари. И все неповторимо своеобразно. Всюду — национальный колорит, орнаментальная щедрость, благородные линии узоров, многообразие композиций; всюду — подлинно художественные произведения народного искусства. Во всем — сердце и душа народа, его художественный вкус, эстетические представления. При посещении хорошо убранной юрты невольно возникает чувство уважения к народу-созидателю, к народным мастерам.

В юрте совершенно особая поэзия уюта, способного пробудить радость, бодрость, соединить теплыми чувствами массу людей. Побывав в нарядно убранной юрте, вы понимаете приверженность народа к украшению своего быта.

Фрагмент внутреннего убранства юрты.

Стены юрты обтягивались художественно орнаментированными циновками, сделанными из тонких ровных прутьев, обернутых цветной шерстью. По силе художественной выразительности циновки совершенно бесподобны. Они придавали большой уют интерьеру юрты. В них вложены сложное мастерство, художественный вкус и талант киргизской мастерицы. Как по волшебству, появляется красочный рисунок по мере скрепления окрученных шерстью чинок. Этот вид искусства вызывает восхищение своей художественностью. Дело чести наших художников, искусствоведов вскрывать законы этого искусства и вносить в нашу повседневную современную жизнь.

Справа от входа в юрту красочной циновкой, как ширмой, отгораживают часть юрты, чтобы скрыть домашнюю утварь, хозяйственные вещи. Украшают юрту и навесные двери, также сделанные из оплетенных цветной шерстью чинок.

С бытом киргизского народа сроднилось войлочное искусство. Делали и простой и орнаментированный войлок. Пол покрывался орнаментированными войлочными коврами — *ала кийизами* и *ширдаками*. Истоки их происхождения уходят в глубокую древность. По технике выполнения и художественной значимости они различны, но каждый по своему оригинален и интересен. Они впитали в себя лучшие древние традиции и продолжают свое развитие теперь.

Для орнаментации войлочных ковров применяли несколько технических приемов: в процессе изготовления самого войлока вкатывали узор из цветной шерсти; применяли аппликацию (наложение на войлочную основу узора из войлока, ткани или шнура); мозаику (сшивание двух разных по цвету одновременно вырезанных кусков войлока); древнейшим видом украшения войлока было художественное прошивание его в виде спиралей и concentрических кругов.

Особенно интересен ширдак, выполненный техникой мозаики. В нем все закончено, строго: колорит, орнамент, четкость рисунка, богатство форм, композиции. Его художественная особенность — равновесие орнаментальных форм, фона и узора — не может не привлекать внимания. Неувядаемая сила его обаяния — результат стойкости традиций и беспрерывного художественного совершенствования. Ширдак охотно воспринимают другие народы. Теперь он оживляет интерьеры не только киргизских жилищ, но и жилищ других народов. В этом сила киргизского ширдака, вошедшего в сокровищницу советской культуры.

Выделяются в интерьере войлочные изделия, выполненные древним приемом аппликации, особенно художественное прошивание, которое можно видеть на навесных дверях, на фризах. Наиболее декоративен купол юрты изнутри, край войлочного покрова купола юрты снаружи.

В кочевом быте необходимы были различные мешки и сумки. Они были удобными вместилищами различных хозяйственных и бытовых вещей. Ими также украшали стены юрты.

В изобилии в юрте всегда были народные узорные ткани. Ими скреплялись деревянные и войлочные части юрты, покрывался пол юрты, подставки, постельные принадлежности, стены. По своим художественным данным они удовлетворяют самому требовательному вкусу. В их декоре привлекает строгая теплая гамма с четким геометрическим орнаментом. Здесь киргизская народная ткачиха достигла изысканности и большого совершенства. Хотя в технике работы до

Аякап. Работа III. Мамбетаиповой.

сих пор сохраняются еще древние традиции примитива, мастерица и теперь создает художественно исполненные декоративные полосы сложного переплетения.

Ценнейшим вкладом киргизского народного творчества в сокровищницу художественной культуры стали ворсовые ковры. Особую художественную ценность приобретают своеобразные мелкие ковровые изделия, в том числе *тегиричи*. Они отличаются обилием разнохарактерных форм, орнамента и композиций, богатой цветовой гаммой, ритмичным чередованием цвета и узора.

На юго-западе Киргизии юрту украшают не только ворсовыми, но и гладкими коврами — паласами со строгим геометрическим рисунком.

Неповторимое своеобразие киргизской юрте придавали вышивки, имеющие в прошлом особенно массовое распространение. Образцом национального вышивального искусства стал *туш кийиз*. Им зашивали стены юрты. В нем ярко отражен киргизский национальный стиль вышивального искусства, сказывающийся в цвете, своеобразии узоров. Традиции вышивки восходят к отдаленнейшим временам. Вышивка интересна неизмеримым количеством постоянного новотворчества в рисунках, в композиционных приемах.

Замечательным качеством киргизского искусства является высокая культура цвета. Сочетание контрастных цветов, орнаментально-колористических композиций, строгий ритм орнаментов придают интерьеру жилищ особую звучность, сочность, здоровый оптимизм.

Не счесть обильных и неповторимых по оригинальности узорных вариаций. А ведь они составлены народной фантазией по немногочисленным мотивам, утвердившимся в практике народного киргизского искусства очень древнего происхождения. Лучшее из них народ ревниво сохраняет. Все они нашли отражение в убранстве юрты. Поэтому очень важно глубже изучать своеобразие киргизского народного искусства, в частности юрту со всем ее наполнением в историко-этнографическом аспекте; изучать во имя того, чтобы сохранить лучшие традиции, ввести их в современную жизнь.

К сожалению, с уходом из жизни практически нецелесообразные вещи теряются во времени, забывается техника их изготовления, способы орнаментирования, технология. А вместе с ними — традиция, народный стиль. Происходит это в том случае, если исчезает преемственность. Искусству в таком случае часто грозит гибель. Современная молодежь почти не знает народного прикладного искусства и, получая эстафеты от старших, от мастера, теряет интерес к традициям своего народа. Часто в связи с этим она следует «крику» моды.

Наше время — время грандиозной перестройки быта. И это особенно ощущает киргизский народ, который недавно еще вел кочевой образ жизни. Народ неизмеримо вырос и растет культурно. У него большой спрос и интерес к современному, тяга к красоте нашей действительности. Сообразно с новыми эстетическими запросами и требованиями, естественно, рождаются заботы об обновлении, видоизменении вещевого материала. Здесь-то особенно ценно знание лучших народных традиций, которые таят в себе особенности национального стиля, красоту, созданную народом и проверенную временем.

Во всех уголках Советского Киргизстана есть еще отличные мастера разных отраслей прикладного искусства, знатоки народных приемов, творцы со смелыми и талантливыми исканиями новых форм, с большим тяготением к творческой работе. Они должны передавать свой опыт. Их тесный контакт с молодежью, выраженный в разных формах (школы, профучилища, мастерские и пр.), поможет развитию киргизского народного творчества в новых условиях.

Прикладное искусство составляет славу и гордость киргизского народа. Его надо рассматривать как общественное богатство, как национальное достояние.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КЫРГЫЗСТАН“ 1970